

Илона Воынская * Кирилл Кашеев

Сивир

ЖРИЦА ГОЛУБОГО ОГНЯ

**Илона Волынская
Кирилл Кащеев
Жрица голубого огня
Серия «Сивир», книга 3**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3003665
Жрица голубого огня: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-54989-4*

Аннотация

Аякчан попала в школу жриц голубого огня после того, как у нее на ладони возник шар магического пламени. Прошло два года... но никто не подозревает, что Аякчан не обычная ученица. Девочка умело скрывает свои невероятные способности владения огнем и не собирается прозябать в глухой тайге после окончания учебы. Она умеет делать из огня такое... о чем другие даже не подозревают, и ловко использует умения в своих целях, пока... в небе над школой на крылатом коне не появляется красивый мальчишка. Оказывается, он объявлен в розыск и за него полагается награда! Аякчан хочет использовать его, чтобы добиться лучшей жизни, но мальчишка не так прост... Он – черный кузнец Хакмар, заключивший сделку с Великим черным шаманом! Именно из-за них на земле Сивир начались страшные несчастья...

Содержание

Пролог	5
Свиток 1	13
Свиток 2	19
Свиток 3	26
Свиток 4	32
Свиток 5	35
Свиток 6	38
Свиток 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Илона Волынская, Кирилл Кашеев Жрица голубого огня

Пролог о том, как заарканить невесту

– Отец мой, славнейший из людей средней Сивир-земли, почтеннейший из мата-богатырей, владелец тысячи стад...

– Ладно, ладно, – сквозь зажатую в зубах оленину прошамкал отец. Взмахом ножа у самых губ он отхватил уже прикушенный кусок от цельного оленьего бока. И принялся неторопливо жевать, шевеля маслянистыми щеками. Сплотнул и, довольно поглаживая себя по проглядывающему меж расстегнутых мехов круглому животу, пробормотал: – Мата – матом, а владельцем тысячи стад стать бы неплохо... Э, как говорят, сначала – привет, потом – разговоры. – Он со смаком обсосал жирные пальцы. – Садись, дочь, – взмахом руки велел девочке подсаживаться к миске с олениной, напротив своей молодой жены, обряженной в богатое платье и шитую золотом безрукавку. На коленях у той возилась крохотная малышка, а у ног мальчишка в узорчатом кафтанчике забавлялся деревянным мечом.

Худенькая девочка неловко замялась у порога, и отец поощрительно прогудел:

– Садись, садись. Эй, ты, отрежь ей мяса!

При этом окрике возившееся у очага странное скрюченное существо испуганно вздрогнуло. Покосилось из-под свисающих на сморщенное лицо седых косм – словно надеясь, что обращались не к нему. Но поймав брезгливый взгляд хозяина, торопливо закивало и, с шарканьем подволакивая негнущиеся ноги, заковыляло к миске с мясом. Узловатыми, будто старые ветки, руками принялось резать оленину, явно выбирая для девочки кусок получше.

– Ну-ну, ты не очень-то, таким куском всю Храмовую стражу накормить можно! – хозяйственно прикрикнул отец.

Обтекающая жиром оленина возникла перед склоненным лицом девочки. Старательно не глядя на робко улыбающееся ей сквозь седые космы существо, девочка взяла мясо.

– Бери-бери, – поощрил отец, – заслужила. Свадебная стрела-сэлэ над стойбищем просвистела, сваты с кедровыми посохами пришли – парень молодой, охотник из рода Нюрмаган тебя хочет! Радуйся, ты теперь невеста!

При этих словах девочка судорожно вскинула голову, но тут же снова потупилась, зная, что ее взгляд всегда злит отца. Если она начнет плакать-кричать, ничего не добьется! Она только стиснула мясо в кулачке так, что сок закапал на дощатый пол.

– Про то и хотела говорить с вами, отец, – тихо пролепетала девочка. И не выдержала. Заполонивший, казалось, все тело жаркий ужас словно приподнял ее и швырнул к его ногам. Она отчаянно обхватила руками меховые торбоза и, запрокинув залитое слезами лицо, закричала: – Не выдавай меня, батюшка! Владыкой верхних небес Айыы-Тангра, матерью-землей Алахчын-хотун заклинаю – не отдавай за молодого! Разве не была я хорошей дочерью? Разве не работала на твой дом Долгие дни и Долгие ночи, от Зари Вечерней до Зари Утренней и от Утренней до Вечерней? Будь же ко мне милостив – отдай за старика!

Лоснящееся от жира толстое лицо отца налилось гневом, он ударил дочь ногой, отшвыривая от себя. У топчущегося поблизости скрюченного существа вырвался короткий стон, оно рванулось, будто хотело подхватить девочку, но тут же замерло, в ужасе съежившись под бешеным взглядом хозяина.

– Твой ум вовсе укоротился, дочь? – взревел отец так, что пляшущий в очаге Голубой огонь взвихрился, затрещал и опал, рассыпая жалающие искры.

– Тише-тише, господин муж мой, – хлопая ладонью по прожженному искрами сукну, сунулась к нему женщина в дорогой безрукавке. – Боится девочка, одиннадцать Долгих дней да Ночей ей всего, молодая, как не бояться! Не надо бояться, доченька! У батюшки твоего

молодого мужа оленей хоть и мало – зато детей много! – радостно вскричала она и тут же со вздохом добавила: – Всех обженить надо. Твой-то жених еще ничего, хоть не хворый... – Она опомнилась, радостные нотки снова вернулись в ее голос, и она певуче залопотала: – Будешь ты по обычаю в их доме на первый Долгий день швей, обстираешь их всех, обошьешь! На второй День сама хозяйкой сделаешься, готовить, мыть, чистить, за оленями ходить, за младшими детьми ухаживать будешь... Ну а уж на третий тебе да мужу твоему тринадцать сравняется – и станешь ты ему милой подругой!

– А еще Дней через пять я от работы превращусь в сморщенную старуху! – не поднимая головы, проговорила распростертая на полу девочка. – Мой муж к той поре на труде моем разбогатеет и возьмет себе другую жену, помоложе да побогаче. А мне переломает кости, чтоб сбежать не могла, и определит новой жене в служанки! Как ты, отец, сделал с моей матерью! – выкрикнула она.

Скрюченное существо заскулило и попятилось, отчаянно прикрываясь изломанными руками и отрицательно трясая головой. Но отец даже не глянул на него. Схватив дочь за змеящуюся по полу длинную черную косу, он дернул с такой силой, что девочка закричала от боли и из-под зажмуренных век потекли слезы.

– Вот твоя мать! – тыча толстым пальцем в женщину в безрукавке, проорал он в запрокинутое бледное лицо дочери.

– Она мне не мать! – хрипло выдохнула девочка. Ее глаза распахнулись, и она впервые посмотрела на мачеху в упор.

Та отпрянула. Вперившийся в нее взгляд был страшен. Глазищи огромные, как таежные озера, и зрачок то ли темно-синий, то ли вовсе черный, будто сама Долгая ночь и прячущиеся в ней чудовища-авахи уставились на женщину и облизываются во мраке, чуя запах живой крови!

Ресницы девочки вновь опустились. Мертвящий взгляд погас, и женщина судорожно выдохнула, чувствуя, будто только что вырвалась из сомкнувшихся на ее горле когтей!

– Ты бы радовалась, что хоть какой жених нашелся, – нервно дыша и сжимая висящий на шее амулет от порчи, зло бросила мачеха. – Кто тебя возьмет, ведьма! Албасы, как есть албасы!

– А вот и возьмут! – обиженно выкрикнула девочка. – Я работница хорошая! За меня уже калым давали... – Она вдруг резко оборвала фразу, перевела дух и заговорила почти спокойно: – Отец мой, выслушай меня разумом, пойми сердцем...

– Нет, это ты слушай меня ушами, девчонка! – снова дергая дочь за косу так, что у той вырвался крик боли, взревел отец. – Калым жениха между всеми родичами делят, а приданое отец невесты в одиночку собирает, и, по обычаю, оно не меньше калыма должно быть, иначе смех над нами поднимется на всю Среднюю землю! Нету у меня для тебя такого приданого! – рявкнул отец, невольно косясь на младшую дочь, испуганно вцепившуюся в подол его жены. – Род Нюрмаган тебя в обмен согласен взять! Если ты за их парня пойдешь, они, как твой брат подрастет, дочь своего вождя-тойона ему в жены дадут!

– Жену хочу! У мужчины должна быть жена! – высовываясь из-за матери, выкрикнул мальчишка. – Отец, если из-за противной Аякчан мне жену не дадут, я... – он замешкался, отыскивая угрозу страшнее, и с торжеством выпалил: – Я не буду тюлений жир есть!

– Надо, маленький, жир надо кушать, он полезный! – немедленно засуетилась вокруг него мать.

– Слыхала, что твой брат сказал? – накручивая косу старшей дочери на кулак, процедил отец. – А теперь, Аякчан, ты встанешь и как послушная дочь отправишься наряжаться – и пойдешь со сватами к своему жениху! Нынче же! Поняла? – опять рванув девочку за косу, медведем проревел он.

– Поняла, – сквозь стиснутые зубы процедила та, судорожно втягивая носом воздух. – Даже больше поняла, чем ты сказал, отец!

Чего уж тут не понять! Нюрмаганы род небогатый, зато воинственный, недаром зовут их Нюрмаганами со злыми стрелами, породнись с ними – и все их воины встанут за новых родичей тойона. А уж младшую свою дочь отец просватает в какой-нибудь из богатых родов, а может, даже и в город – тут-то приданое найдется! Заимев в родню воинов да богатеев, можно не то что хозяином тысячи стад стать – торговлю завести, а то и вовсе ко двору Снежной Королевы податься! Сотканые из Голубого огня одежды носить, в сверкающих ледяных палатах знатных гостей встречать, певцов-олонхосутов слушать! И позабыть про ставшую ступенькой к этой радости старшую дочь от давно отвергнутой жены, пока та изломанными, как у матери, руками будет доить оленей да прислуживать мужниной родне! Аякчан ненавидяще глянула в лицо отцу.

Толстяк, как раз собиравшийся покарать непокорную дочь за дерзость, невольно разжал стиснутые на толстой косе пальцы.

– А поняла, так и ладно, – пробормотал он, отворачиваясь. Верно жена говорит – не девчонка, а как есть ведьма-албасы! Пусть ее хоть жених забирает, хоть сам Арсан Дуолай, владыка Нижнего мира! – Собирай ее! – отрывисто бросил он жене, отступая в сторону. Плечом зацепил не успевшее шмыгнуть в сторону скрюченное существо. – Ты еще здесь! – отведи хлесткую пощечину, рывкнул он. – Лучше помоги хозяйке одеть девчонку! Или, может... – его лоснящиеся губы растянулись в ухмылке, зло щурясь, он уставился на застывшую перед ним сгорбленную фигуру, – может, ты тоже хочешь чего сказать? Может, и ты чем недовольна?

– Нет-нет, нет-нет-нет, – держась за горящую щеку и мелко трясая головой, прошамкала сгорбленная беззубыми деснами. – Всем довольна, господин муж мой!

– Я тебе сколько раз говорила – не смей называть его мужем! – визгливо крикнула мачеха, хватая Аякчан под руку и рывком поднимая с пола.

– И принесите мне еще мяса! – крикнул вслед им отец, плюхаясь у миски с олениной и сердито впиваясь зубами в полуобглоданную кость.

– Сейчас, господин муж мой! – сладко пропела мачеха и тут же сердито прошипела ковыляющему за ней существу: – Слыхала? Поддай господину мясо и быстро ко мне! Да поворачивайся, лентяйка! А ты переставляй ноги, переставляй, я не служанка, чтоб тебя, как мешок с порсой¹, таскать! Вся в мать – такая же ленивая! – процедила она, выволакивая девочку за дверь.

Спотыкаясь, Аякчан брела через стойбище, от слез не видя дороги и не замечая устремленных на нее со всех сторон любопытных взглядов. Кожа на голове нестерпимо горела, ей казалось, что у нее вовсе не осталось волос, все отец выдрал! А и пусть бы выдрал, может, лысая она жениху и не сгодится?

Миновали стойбище. Сильный толчок в спину швырнул девочку внутрь стоящего на отшибе чума.

– Ну что за служанка мне досталась – возится да копается, дрянь колченогая! – нетерпеливо оглядываясь, процедила мачеха. – Ладно, раздевайся пока! – Она опустила за собой меховой полог, и в чуме сразу воцарился полумрак, нарушаемый только голубыми язычками Пламени в жаровне, да еще бликами лунного света, пробивающимися сквозь дымовое отверстие. – Снимай одежду, говорю! – мачеха нетерпеливо дернула Аякчан за край старенького платья, так что прохудившаяся домотканая материя затрещала. – Нельзя, чтоб отец ждал – и так он на тебя сильно злой! Велел даже оленя тебе не давать, к жениху ехать...

---

¹ Порса – мелко перемолотая сухая рыба – подлежит долгому хранению.

– Я не хочу... ехать, – слабо пробормотала Аякчан, пытаясь вырваться из раздевающих ее рук.

– А и не поедешь – ногами пойдешь, – злорадно отрезала мачеха. – Стой смирно! – Она стащила с Аякчан платье и быстро сдернула исподние штанишки.

Вздрыгнув, девочка торопливо прикрылась руками.

– Было б чего прикрывать! – насмешливо фыркнула мачеха. – Какая еще из тебя невеста – так, паренек замороженный! Хоть лук со стрелами тебе давай вместо мешка-муручуна с иголками да нитками! О, наконец-то явилась!

Полог робко приподнялся, и внутрь чума вползла скособоченная фигура, толкая перед собой большой берестяной короб. Мачеха торопливо откинула крышку, послышался легкий переливчатый перезвон, и Аякчан дернулась от прикосновения металла к обнаженному телу – на ее бедрах замкнулся положенный невесте пояс с колокольчиками.

– Ну вот! – с довольной улыбкой сказала мачеха. – Так до самой свадьбы ходить будешь – кроме мужа, его уж никто не снимет!

Все еще как в тумане Аякчан слабыми пальцами заскребла по замочку на поясе – колокольчики откликнулись злорадным дребезжанием.

Мачеха торопливо вытряхнула содержимое короба на пол. Выволокла сплошь расшитую цветным бисером узорчатую повязку. Сожалеюще цокнула языком – повязка была хороша! Покосилась на Аякчан, на тихо присевшее у порога скрюченное существо – и все-таки повязала ее на бедра девочке. – Штаны, платье теперь... – Она дернула за торчащую из кучи вещей штанину. Послышался треск, и штанина осталась у мачехи в руках. Она хмыкнула. Распялила на пальцах маленькое девчоночье платье и принялась изучать его при свете жаровни, время от времени скребя пальцем ветхое сукно. Порылась в медных сережках и браслетах и наконец подняла на вытянутых руках драную и, кажется, гнилую собачью шубу.

– Это все тебе господин дал? – с сомнением спросила она.

Скрюченное существо закивало, униженно заглядывая в глаза хозяйке.

Мачеха помолчала – видно было, как в ее душе жадность борется с боязнью опозориться перед чужим родом. Наконец, с тяжким вздохом она пробормотала:

– Стыдить нас будут, посмехом сделают. Я поговорю с господином. А ты жди здесь, – строго наказала она Аякчан и, перекинув шубу через руку, направилась к выходу.

Облаченная только в пояс с колокольчиками и набедренную повязку девочка осталась в оцепенении стоять посреди чума. Блики Голубого огня жаровни играли на разноцветном бисере.

От порога послышалось шамканье:

– Эту повязку когда-то я шила... Для свадьбы с твоим отцом. А теперь вот ты ее надела... доченька моя родная... – От скорчившейся у порога жалкой фигуры донеслись всхлипывания.

Аякчан дернулась, так что колокольчики отчаянно зазвенели.

– Свадьба? Как у тебя с отцом? Нет!

Пришедших за ней сватов она видела – от таких не убежишь! И потом, когда ее уже приведут в стойбище молодого мужа и навстречу высыплет вся его многочисленная родня и будущая свекровь затынет алгавку, песнь-благословение во здравие невестки (еще бы, больная им много не наработает!), бежать будет уже поздно. Удирать надо прямо сейчас!

Аякчан метнулась к пологу – колокольчики на поясе задребезжали, казалось, на все стойбище. Девочка замерла. Так просто наружу ей все равно не выйти – увидят. Не двигаясь, чтоб не звенели колокольчики, Аякчан вертела головой в поисках пути к спасению. Воинов учат выпрыгивать из чума сквозь дымовое отверстие – но она-то не воин! Аякчан бросила быстрый взгляд на мать – нет, не подсадит. Со своим изломанным позвоночником мать была не выше одиннадцатидневной дочери. Не выше...

Под звон предательских колокольчиков Аякчан кинулась к ней:

– Дай мне свое платье! Быстрее!

– Зачем это? – мать невольно вцепилась в свои драные лохмотья, которые и платьем-то назвать нельзя было. В ее слезящихся глазах мелькнуло испуганное понимание. – Да ты... сбежать задумала, дочка? Нет-нет! Никак нельзя. – Седая голова снова затряслась от страха. – Хозяйка осерчает – кричать будет, хозяин огневается – бить будет...

В отчаянии стиснув руки, Аякчан глядела на запуганное, затравленное существо, в которое превратилась юная невеста, что двенадцать Долгих дней назад вошла в стойбище. Работала на отца не покладая рук, как велит обычай: «Бэе ахи унякандин бэе овки» – «Пальцами жены муж человеком станет». Отец стал человеком и... заплатил калым за жену из сильного рода, которая и вошла хозяйкой в поднятый матерью дом! Неужели и она, Аякчан, такая же искалеченная, будет вот так жаться к стене в страхе перед... обыкновенным мальчишкой? Который может с ней сделать что пожелает только потому, что муж? А потом и перед новой его женой – малодневной девчонкой из богатеньких? Ну, не-ет!

– Видно, правду отец с мачехой говорят – не мать ты мне, коль своей судьбы для меня желаешь! – выдохнула она в лицо матери.

Слезящиеся глаза под спутанными космами растерянно и воровато заметались – такой взгляд бывал у матери, когда мачеха визжала, что служанка молоко у дойной важенки оленя отпивает! Мать закричала... и начала медленно – мучительно медленно! – стаскивать с себя лохмотья, бормоча:

– Доченька, а может, не надо? Ну куда ты пойдешь – тайга кругом!

– Помнишь старика, что на торжище к нам подходил, калым предлагал, сильно-сильно меня в жены хотел? У него хозяйство крепкое, род большой – защитят.

– Но... – путаясь в наполовину стащенных с себя лохмотьях, мать замерла. – У него же... жена есть! Ты что же, доченька, велишь ему тоже... тоже ее из жен гнать, кости ломать?

– Да уж лучше ей, чем мне! – Губы Аякчан растянулись в злой невеселой усмешке, открывая мелкие и острые, как у хищного зверька, зубки.

– Хорошо ли так, девочка моя? – с кротким укором вздохнула мать.

Аякчан почувствовала, как у нее темнеет в глазах от бешенства. Мир помутнел, привычные очертания предметов расплылись, проступая уродливыми изломами и углами, у опорных столбов чума вдруг оказалось три тени – кроме обычной темной, еще ослепительные, до боли в глазах, белая и алая, как свежая кровь. Аякчан придвинула свое лицо к сморщенному, как старая кора, лицу матери и прошипела:

– А хорошо ли было, когда мачеха меня из дома гнала – с собаками спать? Хорошо ли мне, почитай, голой по стойбищу ходить, смех над собой слушать, когда платье от старости расплзается? Хорошо вечно голодной быть? Хорошо, м-мама? – с бесконечным презрением выдохнула она.

– Что ж я могла сделать-то, доченька? – заливаясь слезами, провыла мать. – Мужу-то повиноваться надо, обычаям повиноваться, семье...

– Вот и повинуйся! Давай свои тряпки, быстро! – рывкнула Аякчан, хватая материнские лохмотья за обтрепанный подол. Полусгнившая ткань противно треснула, и платье сползло с матери, открывая тощее, с проступающими от вечного недоедания ребрами, покрытое шрамами от побоев тело.

Аякчан на мгновение зажмурилась, чувствуя, как внутри все заходится от невыносимой боли. Нет. Не сейчас. Надо спешить. Горсть серого пепла из-под жаровни покрыла ее черную косу таким же, как у матери, серо-седым налетом. Аякчан завернулась в пахнущие оленьим навозом и застарелой стряпней тряпки и решительно скользнула за порог.

– Доченька... – окликнул сзади слабый голос, но девочка не оглянулась.

Плотные тучи закрыли луну, окутывая стойбище темнотой. Только блики Голубого огня подсвечивали снег, когда озабоченные женщины сновали между чумами с туесами хмельной араки в руках. Вслед им из-под приподнятых пологов неслись развеселые песни – не иначе, привечали сватов. Никто даже не посмотрел на скользнувшую из свадебного чума маленькую скрюченную фигурку. Аякчан торопливо заковыляла, прижимая колокольчики локтями, чтоб не звякнули, и старательно горбясь.

– Эй-эй, куда пошла? – послышался сзади строгий голос мачехи.

Аякчан застыла, не смея даже обернуться, – все, конец, она попалась!

– Что молчишь – отвечай, дурная старуха! – взвизгнула мачеха за спиной.

Не узнала! Глупая тетка не узнала ее в темноте! Пряча лицо, Аякчан неуклюже затоптала на снегу и прошамкала, подражая униженному голосу матери:

– За чум сильно надо! Хозяйка, я быстро!

На гладком лице мачехи отразилось брезгливое раздражение.

– Потерпеть не можешь? Ладно уж – бегом давай! Ну почему я все должна делать сама? – Укоризненно качая головой, мачеха нырнула под приоткрытый полог.

Аякчан попятилась... и, не выдержав, рванула с места – колокольчики на ее поясе пронзительно затинькали.

– Колокольчики! – завопила мачеха, выскакивая из чума. – Ловите девчонку!

Не обращая внимания на крики и топот за спиной, Аякчан понеслась к кромке леса и с размаху проломилась сквозь густое сплетение еловых лап. Обледенелые ветви дергали ее за косу. Аякчан слышала доносящийся от стойбища возбужденный собачий лай. Девочка попыталась бежать, то и дело по пояс проваливаясь в глубокий снег. Едва держащиеся на плечах материнские лохмотья зацепились за жесткие прутья подлеска. Всклипывая, Аякчан рванула подол...

Из-за деревьев выметнулась тень – и крупный, похожий на волка серый пес прыгнул на девочку. Аякчан упала на колени... Жаркая собачья пастьдохнула в лицо, и пес разразился коротким призывным лаем.

– Предатель! – простонала Аякчан. – Не надо было тебя кормить!

Послышался тихий посвист, краем глаза девочка успела увидеть что-то вроде взвившейся над ней серой змеи... и жесткая ременная петля захлестнулась у нее на горле.

В тишине и молчании, будто юер – неупокоенные духи мертвецов, – над девочкой нависла пятерка родичей. За ними, шумно пыхтя и отдуваясь, ковылял отец. Сквозь вертящиеся перед глазами лазурные огненные колеса Аякчан видела, как трясется от гнева его жирное лицо.

– На весь Сивир меня опозорить вздумала?

Волна боли заставила Аякчан забиться на стягивающей шею веревке – разъяренный отец с размаху пнул девочку ногой в бок.

– Не бывало еще такого в земле Саха, чтоб дочь отцу не повиновалась, чтоб невеста от выбранного жениха бегала! – Новые удары один за другим обрушивались на корчащуюся в снегу девочку. – И не будет, слышала, ты! – Жирный отцовский кулак ткнулся Аякчан в губы. – А ну-ка, парни! Волоките ее обратно в стойбище!

Захлестнутая на шее веревка натянулась, и Аякчан волоком потащили по снегу. Твердый, как устоявшийся лед, кожаный ремень впился ей в горло. Аякчан попыталась вдохнуть – но с каждым рывком веревка сдавливала шею все сильнее. Девочка поняла, что задыхается. В груди, в голове, во всем теле расплзалось убийственное жжение. Она судорожно разевала рот, чтобы позвать отца – она не станет убегать, она будет покорной! Но из синеющих губ вырвалось едва слышное сипение. Аякчан попыталась слабеющими пальцами ухватить ременную петлю – но над ее головой послышался лишь глумливый смех, и беглую невесту поволокли дальше. Ни единой капли воздуха больше не просачивалось в ее грудь. Перед

глазами встала сплошная чернота, разрезаемая ярко-голубыми сполохами, когда она, бьющаяся на веревке, стукалась об корень. Она сейчас умрет!

Раздирающее тело жжение хлынуло в руки. Ладони стали как пылающие куски металла, что Аякчан видела в кузнице. Кончики ногтей царапнули сжимающий горло ремень...

Тиски на шее исчезли. Сладкий, как мед, воздух потек ей в грудь. Полузадушенная Аякчан лежала на снегу, заходясь в хриплом кашле и содрогаясь...

– Эй, хозяин, девчонка с веревки сорвалась! – крикнул кто-то из родичей.

– Ну так затяни снова и волокни ее дальше! – злобно рявкнул отец.

Парень с веревкой шагнул к девочке...

Нет! Только не это! Не надо! Ни единого слова не проходило сквозь перехваченное спазмом горло. Аякчан вскинула ладонь, напрасно пытаясь оттолкнуть надвигающегося на нее мужчину...

Волна сверкающего, как небеса на Заре, Голубого огня хлынула у нее из руки. Послышался вопль. Аякчан судорожно заморгала от вспыхнувшего перед глазами лазурного сияния...

Громадная ель, вся от корней до макушки охваченная Голубым пламенем, пылала, с треском выбрасывая в небеса длинные синие сполохи. В снегу с воплями катался тот самый парень с веревкой, пытаясь сбить пляшущие на его спине языки Огня.

– Ты что это делаешь? Ты как... – отец бежал к ней.

– Нет! Не подходи! – Аякчан попятилась от него...

Клуб Голубого огня с треском разорвался у ног отца, заставив его с воплем отпрянуть. Беспорядочные Огненные шары разлетались во все стороны. Громадные таежные ели вспыхивали, как сухой хворост. Визжа от ужаса, уворачивались от жалящих искр псы. Горящая ветка, затрепав, свалилась на отца сверху. Тающий снег растекался хлюпающей массой, налипал на торбоза, не давая ему бежать. А среди вздымающихся султанов горячего пара замерла Аякчан, и синие тени плясали на лице девочки, превращая его в маску вырвавшегося из-под земли чудовища-авахи.

– Убейте ее! Убейте ведьму, пока она нас всех не сожгла! – завизжал отец.

Сородич выхватил из-за пояса нож, замахнулся... Тонкая, как игла, нить Голубого огня слетела сверху, коротко ужалив его в макушку. Сжимая бесполезный нож в кулаке, мужик опрокинулся навзничь. А потом на пылающие деревья обрушилась вода, сбивая Огонь с ветвей и втапывая его в землю.

Аякчан почувствовала, как под скользящими по коже потоками что-то неистовое, яростно рычащее внутри ее захлебывается, гаснет с недовольным ворчанием. Она задрала голову. Плеча тугими, как из ведра, струями воды, над верхушками тлеющих елей колыбалась туча. На ней, зарывшись ногами в кудлатый туман, стояла женщина. Лицо ее было странным – не старым и не молодым, словно для него вовсе не существовало времени, смены Дня и Ночи. Аякчан оно показалось самым прекрасным лицом на свете, как у небожителей-аи из песен олонхо!

Черные длинные брови ее,
Будто черные с серебром
Камчатские соболя.
Белая шея ее стройна;
Красивые губы ее
Красны, как ягодный сок...

Короткая белая рубаха была небрежно скреплена на плече громадным сапфиром. Из-под прикрывающего голову белого шарфа выбивались коротко подрезанные ярко-голубые пряди. Но даже и без этого было ясно, что перед ними жрица Голубого огня – в тонких изящных пальцах она небрежно комкала веселый шарик сияющего Пламени.

Туча над головами ошеломленных людей заколебалась и начала медленно опускаться на лес, окутывая все влажной пушистой прохладой. Ее серые клубы смешались с белым паром, издавая тихое умиротворенное шипение. Прекрасная жрица коснулась земли... и, нежно улыбаясь, протянула руки к пошатывающейся Аякчан. Измученная девочка рухнула на эти руки, заходясь в сухих бесслезных рыданиях.

– Ну-ну-ну, – жрица ободряюще похлопала ее по вздрагивающей спине. – Возьми себя в руки, малышка, а то твое зарево на полнеба видно! Ученица Храма должна уметь контролировать себя! – строго добавила она.

– Да не сочтет госпожа за дерзость... – мелкой семенящей походкой вперед выбрался мокрый и покрытый черной гарью отец и, униженно кланяясь, залепетал: – Это не ученица Храма! Дочка это моя, отца ослушалась, от свадьбы сбежала, бесстыдница!

– Все верно, маленький жирный человечек, – рассеянно перебила его жрица. – Именно из таких отчаянных девчонок и вырастают потом лучшие жрицы!

Свадебный пояс на бедрах у Аякчан разомкнулся и упал в снег, напоследок бессильно звякнув колокольчиками. Жрица подхватила на руку тяжелую косу девочки. В только что смолисто-черных волосах змеилась пылающая ультрамариновая прядь.

Через два Дня

Свиток 1

О школе будущих жриц

– Дальше, дальше рассказывай, Тайрыма! – Дарпек возбужденно запрыгала на домашней пуховой перине, вместо обычного тощего казенного матраса покрывающей вытесанную из широкого ледяного бруса койку.

– А дальше меня... ну, с родителями, конечно... пригласили на прием ко двору Снежной Королевы! – откликнулась Тайрыма, давая понять, что визиты в Зимний Дворец для нее дело привычное и даже слегка поднадоевшее.

Но узенькие глазки на пухлом личике гордо заблестели, когда у девчонок вырвался дружный вздох восхищения. Из двух десятков учениц, набившихся в не слишком просторную спальню Храмовой школы, лишь девчонка на соседней койке оставалась равнодушной к рассказам о светской жизни. Лежит себе, уткнувшись в свиток, – делает вид, что даже не слышит, какой неслыханной чести удостоилась Тайрыма! Эта дрянь безродная вечно портит ей настроение!

– Моя тетка – прославленная жрица Метаткар – представила меня Королеве как лучшую ученицу нашей школы! – возвысила голос Тайрыма.

– Ты это заслужила! – немедленно закивала Дарпек, но восторги подружки сейчас не слишком интересовали Тайрыму.

– А вот Аякчан, похоже, так не считает, – вкрадчиво сказала она, в упор разглядывая читающую девчонку.

– Аякчан считает домашнее задание – объем Голубого огня, необходимого для освещения города в Ночное время, – равнодушно откликнулась та, делая пометку на свитке угольным карандашом.

– Королева улыбнулась Тайрыме! – немедленно кинулась на помощь подружке Дарпек.

– Ну, гораздо хуже было бы, если б она заплакала, – не отрывая глаз от свитка, рассудительно отозвалась Аякчан.

Круглое, как луна, лицо Тайрымы налилось краской гнева.

– А... ну... мальчишки... при дворе были? – спеша предотвратить надвигающуюся ссору, вмешалась маленькая, похожая на белочку, Юлтэк² и тут же густо покраснела.

– Да-да, расскажи нам про мальчишек! – девчонки жадно сгрудились вокруг Тайрымы.

– Еще как были! Все золотом расшитые, серебром распестренные, а уж воспитаны-то как! Вот, глядите! – Она запустила полненькие пальцы за глубокий вырез своего изукрашенного южным лазуритом придворного платья (надела, чтоб показать девчонкам, да так и не стала снимать!) и вытащила оттуда тоненький берестяной свиток. – Один мне даже стихи написал! – засмушалась Тайрыма, протягивая свиток Дарпек.

– О-о-х! – стараясь не дышать, верная подружка почтительно развернула бересту, откашлялась и трепещущим голосом прочла: – О прекрасная Тайрыма с восьмисаженными косами!

Довольная Тайрыма огладила свои черные с проблесками синевы косички.

– О Тайрыма, – слегка подвывая, продолжала читать Дарпек, —

Которую до сих пор
Укрывали в соболях меха,
Одевали в рысьи меха,

---

² Юлтэк – белочка (эвенк.).

Чтобы пыль не пристала к ней,
Чтобы от солнца не почернела она!
Вся ты в мехах дорогих одежд! —

восторженно закончила Дарпек под общий восхищенный вздох и торжествующе покосилась на Аякчан. — Вот! Слыхала?

— Разве я говорила когда-нибудь, что у Тайрымы плохая шуба? — отрываясь от свитка, искренне удивилась Аякчан.

— Ну, хватит! — Неуклюже подобрав подол своего роскошного платья, Тайрыма соскочила с койки и воинственно уперла руки в округлые бока. — Я вам не какая-нибудь! Я — дочь рода Буллет, у моего отца тысяча стад, сотня торговых лавок и дом в столице, а моя тетка Метаткар — в Королевском Совете! И не смеет всякая безродная, что учится при Храме из милости...

— Я хотя бы учусь, — лениво перебила ее Аякчан, — а не упрашиваю родичей, чтоб они выдавали меня за лучшую ученицу!

— Ах, учишься! — со змеиной ласковостью прошипела Тайрыма. — Освещение для города считаешь? Напрасно стараешься! Большие города — для дочек больших родов, которые за обучение платят, а тебе их не видать, как девятых небес! Таких, как ты, Храм после учебы куда-нибудь на край Средней земли отправляет — тюленей по тундре гонять! Вернешься к привычной жизни!

— Тюлени по тундре не ходят — у них ног нет! А у тебя — мозгов! — сквозь зубы процедила Аякчан, и на ладони у нее начал наливаться угрожающей синевой шар Голубого огня.

Тайрыма пригнулась, и на ее хищно изогнутых пальцах тоже вспыхнуло Пламя. Остальные девчонки с визгом порскнули к стенам спальни, и только маленькая Юлтэк, примирившись выставив ладони, вскричала:

— Не надо, девочки! Вас накажут!

Снизу донесся гулкий звон медного била.

— Ой, звонок! — радостно вскрикнула Юлтэк. — Бежим скорее! — она сунула Аякчан в руки ее свитки и чашу для Огня. Подпихивая подругу в спину, Юлтэк вытолкала ее за дверь общей спальни.

Девчонки побежали через широкий ледяной коридор, то и дело в нарушение строгих школьных правил раскатываясь по скользкому отполированному полу.

— Спасибо, — наконец пробормотала Аякчан. — Если бы я ее прибила, у меня были бы неприятности!

— Да не за что, — легкомысленно отмахнулась Юлтэк. — Просто я хотела про столичных мальчишек послушать — а тебе разве неинтересно, про мальчишек-то?

— Совершенно неинтересно! — надменно сообщила Аякчан. — Я — ученица Храма и сама о себе забочусь, а не мечтаю, что за мной приплывет сказочный полярник на белой льдине и увезет в волшебную страну, где рыбу не ловят, не потрошат, а достают прямо из бесценных железных банок уже порезанную на кусочки! Не собираюсь я слушать эту жабу Тайрыму!

— Так ведь она правду квакает — таким, как мы с тобой, служба в городах не перепадет! — рассмеялась Юлтэк.

— А тебя это совсем не злит? — с интересом поглядела на нее Аякчан.

Сама Аякчан бывала в ледяном городе всего один раз — вместе с Кэтэри, наставницей по сивирским языкам и шаманской литературе, прихватившей обучающуюся от Храмовой казны ученицу грузить закупленную на всю школу писчую бересту. Да и ехали они всего лишь в стоящий у самой границы тайги Сюр-гуд. Городок вполне мог считаться ровесником девочки — заложили его в день рождения самой Аякчан. Возник он у найденного странствующими жрецами-геологами Места Рождения Огня, где вскоре встал Храм — а за ним и город.

Но даже этот молодой город произвел на девочку неизгладимое впечатление. Иногда во сне к ней возвращались его сияющие, как драгоценные кристаллы, дома из голубоватого льда, с покрытыми искусной резьбой стенами, загадочно мерцающие статуи на перекрестках и белоснежная громада Храма с пылающими на фоне черных небес чашами Голубого огня над ней. Если таков обычный город – каково должно быть величие древней столицы и главного Храма Огня, этого центра земли Сивирской? Аякчан до боли хотелось хоть раз побывать там – и сознание, что это ей не светит, может, даже до конца ее Дней, вызывало острую, до слез, злость.

– Толстуха умеет в десять раз меньше тебя – а ее ждет прохладненькое местечко в столице, – процедила Аякчан. – А тебе назначат жрицей на участок глухой тайги, и будешь ты всю жизнь мотаться между стойбищами – Огонь им возжигать! Пока не состаришься, и в один совсем не прекрасный День твой собственный Огонь разнесет тебя в клочья!

– Это судьба каждой из нас – кого-то она ждет раньше, кого-то позже! – легкомысленно отмахнулась Юлтэк. – Зато как меня стойбищные почитать будут! – закатила глаза она. – Хороший дом, добрые олени, полные амбары – что еще надо для счастья? Каждый живет своей жизнью и умирает своей смертью. Без сильного рода за плечами большой начальницей не сделаешься. Надо радоваться тому, что имеешь.

– Да, но мне этого – мало, – одними губами, чтоб ее не услышали, шепнула Аякчан.

Девчонки остановились возле высоких классных дверей с изображением святой жрицы Мальвины, что разожгла Огонь Просвещения для диких народов бескрайнего Сивира. У ног голубоволосой народной просветительницы лежал черный ездовой пес загадочной породы – с вьющейся кудрявой шерстью, вислыми ушами и кисточкой на кончике хвоста. По легенде, именно он принес святую в Среднюю землю на своей широкой спине. В руках святая Мальвина сжимала свиток с гордым девизом: «Даже чурку можно научить читать!»

Именно из-за этой картинки наставниц школы за глаза (но никогда – в глаза!) называли мальвинами. Девочки перевели дух и чинно, как и подобает ученицам Храмовой школы, вошли в класс.

– Того дугэ ачин! Огонь не имеет конца! – наклонив головы, дружно пропели они.

– Казенным ученицам следует являться в класс пораньше, – не отвечая на ритуальное приветствие, протянула наставница Синяптук. – Не для того Храм вас кормит и одевает, чтоб вы уроки прогуливали!

– Да, наставница Синяптук! – смиренно кивнули девчонки.

Та окинула их долгим взглядом и наконец слабо взмахнула короткопалой ладонью:

– Ладно, садитесь!

Не поднимая головы, девочки скользнули к разложенным на прозрачном ледяном полу ученическим коврикам, из которых сейчас занята была едва ли треть. И только усаживаясь, осмелились быстро переглянуться. «У-у, мальвина!» – одними губами шепнула Аякчан. Юлтэк в ответ скорчила рожу.

– Не переговариваться на уроке! – немедленно рявкнула Синяптук, так что обрамляющие окна сосульки тихонько звякнули. Но тут послышался торопливый топот, и в дверях появилась едва успевшая переодеться в обычную храмовую рубаху Тайрыма в сопровождении остальных девчонок. Широкое лицо наставницы немедленно расплылось в благодостной улыбке. – Того дугае, Тайрымочка! С возвращением, девочка моя! Входи, входи! – наставница вскочила и, обняв Тайрыму за плечи, чуть не на руках внесла ее в класс.

«И никаких замечаний про опоздание», – раскладывая перед собой свитки, зло подумала Аякчан.

– Тайрыма только что вернулась из образовательной поездки – все вы, будущие жрицы, должны странствовать, чтоб лучше узнать Среднюю землю... – продолжала наставница.

Угу, только одних в Зимний Дворец отправляют, а других – как вот их с Юлтэк – в стойбища полудиких иннуитов на самый берег Ледяного Океана. Аякчан чувствовала, как внутри у нее начинает тихонько нарастать гневный жар.

– И там она была удостоена приема у самой Королевы! Это большая честь для всей нашей школы! – продолжала разливаться Синяптук. – Мы все гордимся тобой, Таечка!

Девчонки в классе разразились невнятным бормотанием, которое при желании можно было принять за одобрение.

– Садись, деточка! – наставница кивнула Тайрыме и тут же рывкнула: – Что встали? По местам все, живо!

Послышался шорох ног, девчонки торопливо разбежались по коврикам и уселись.

– Вам, как будущим жрицам Храма... – Синяптук несколько раз прошлась взад-вперед между ковриками, резко оборачиваясь в надежде поймать непочтительную ухмылку или скорченную за спиной рожу. Но десятки глаз неотрывно следили за ней с выражением подострастного внимания. – На ваших рабочих местах придется отвечать не только за бесперебойное горение Огня, но еще и за благосостояние вверенных вашему попечению городов... – она многозначительно посмотрела на Тайрыму, – селений... – взгляд перебежал на Дарпек, – ну и, конечно, диких племен... – взгляд небрежно мазнул по Аякчан с Юлтэк и еще парочке бесплатных учениц. – Жрица Храма должна уметь сотворить из Огня все, потребное для жизни: одежду и обувь, посуду и упряжь, изящный туесок и перекидные выюки... Поэтому сейчас самостоятельная работа! – снова рывкнула Синяптук. – Каждая из вас подойдет ко мне со своей чашей за порцией Огня. В конце урока сдадите три изделия – посуду, предмет одежды, детскую игрушку. Посмотрим, чему вы научились за прошедший День! – И она повернула вентиль возле учительского сиденья. Шипящая голубая струя хлынула в первую подставленную чашу.

– Остатки Огня в себя не всасывать, из класса не выносить! Запас ограничен! – покрикивала Синяптук.

«Кому ограничен, а кому не очень», – подумала Аякчан, глядя, как чаша Тайрымы до краев наливается светящейся голубизной, и зная, что ей самой перепадет едва ли половина.

– Как всегда – особенное внимание к технике безопасности! Все помнят, что для жриц...

– ...кладбищ не бывает! – хором протянули девчонки, и на этот раз их голоса звучали необычайно серьезно. Слишком хорошо нынешние ученицы третьего Дня обучения помнили, что в первый День их было вдвое больше. И что половина отсеялась... или, скажем так, – рассеялась, во время практических занятий, втянув непосильную для себя меру Огня.

Аякчан поглядела в наполненную Синяптук чашу и усмехнулась – ну, до ее меры тут было ой как далеко! Хорошо, что посуду и одежду можно создать практически из ничего, тут главное – точный расчет! Она зачерпнула полную горсть Огня. Сделает сосуд-чорон – вроде тех, что мать лепила из глины. Аякчан досадливо прикусила губу – еще два Дня назад она запретила себе любые воспоминания о прошлой жизни. А теперь надо попробовать создать теплые чулки-ноговицы – в последнее время у нее стал получаться мягкий, похожий на снег материал, не такой теплый, как настоящий мех, но уж точно теплее обычно выходящих из Огня полупрозрачных тряпочек. Ну а игрушка – это уж совсем просто!

Аякчан украдкой оглядела класс. Юлтэк увлеченно лепила из Огня очередную причудливую шапку с цветами и лентами. Толку от этих ее изделий никакого – ни от жары не защищают, ни от ветра, но красивы, будто сам Огонь! Дарпек, как всегда, выбрала что попроще – рядом с ней уже лежала треугольная косынка и тапка. Зато вид Тайрымы мгновенно наполнил сердце ликованием! Взмокшая так, что капля пота дрожала на носу, их «лучшая ученица» из судорожно дергающегося куска Пламени соорудила одежку, кажется, для одного

из многоногих чудищ Седны, Повелительницы Морской Бездны. Во всяком случае, рукавов там просматривалось явно больше чем два.

Возникшая у Аякчан над плечом Синяптук брезгливо взяла в руки готовую пушистую ноговицу.

– Вижу, ты так ничему и не научилась. – С презрительной усмешкой она повертела ноговицу, помяла пальцем лохматую ткань. – Впрочем, я не удивлена. Голубой огонь сам тонок и сверкающ, и, чтобы творить из него, надо иметь тонкую и прекрасную душу. А тут все грубое, толстое – и ни на что не пригодное! Эту самостоятельную ты завалила, – роняя ноговицу на пол, фыркнула наставница. – Не знаю, как собираешься экзамен сдавать. – И она переместилась к Тайрыме. Та подняла на наставницу затравленный взгляд.

– Хм, – протянула Синяптук, разглядывая лежащее перед Тайрымой многорукое изделие. – Оригинально. Приятно видеть в нашей глуши образчик настоящего придворного вкуса, – она одобрительно покивала. – Заканчивай это и можешь дальше не продолжать – и так видно, что с заданием ты справляешься!

– Спасибо, наставница Синяптук! – радостно выпалила девчонка.

– Мне будет приятно, если ты сообщишь своей тетке, жрице Метаткар, каких успехов ты под моим руководством достигла в созидании из Огня, – важно сказала Синяптук, удаляясь.

– Конечно, наставница! – еще радостнее завопила Тайрыма, выхватывая из чаши новый клуб Огня и латая им самые вызывающие прорехи в своем изделии.

Ах так! С утра тлеющее в душе раздражение зашевелилось под сердцем, издавая нарастающее рычание яростного зверя. Аякчан длинно и протяжно выдохнула – ну, держись, богатея! Она пристально уставилась на творение Тайрымы.

Зажатый у ней в пальцах перекошенный рукав полыхнул длинным лепестком Пламени. Наученные горьким опытом девчонки мгновенно кинулись на пол и ползком рванули к стенам, подальше от источника возгорания. Языки Огня разбежались из-под рук визжащей Тайрымы, возвращая все ее творчество первозданному Пламени, которое вспучилось Огненным шаром и с громким треском лопнуло Тайрыме в физиономию.

Над классом повисла тишина. Залегшие девчонки медленно поднимали головы.

– Вы видели? Видели? – вопила Тайрыма. В ледяном полу у ее ног красовалась истекающая паром черная проплавленная дыра. Ощупывая покрасневшее от жара лицо, девчонка потрясенно оглянулась на класс... и увидела так и оставшуюся сидеть на своем месте Аякчан. Отвести взгляд та не успела. Глаза у Аякчан стали невероятной, какой-то треугольной формы. На перепуганную Тайрыму уставились два бездонных провала, в глубине которых бледно-голубыми призраками носились Огненные сполохи.

Тайрыма вытянула трясущийся палец:

– Это ты! Это все ты! Наставница, это она! Она навела порчу на мою чашу с Огнем!

Синяптук подозрительно уставилась на мгновенно перетрусившую Аякчан.

– Я... Я не...

– Что тут за крики? – двери класса распахнулись.

– Старшая наставница! – вскричала Тайрыма, бросаясь к шагнувшей в класс Солкокчон, прозванной «Трижды шелковой» за жутковато-ласковую манеру, с которой она обращалась с провинившимися ученицами. – Вот она! – палец Тайрымы ткнулся в Аякчан. – Навела порчу на мой Огонь!

– Да-да! – немедленно подхватила Синяптук. – Эта девочка, Аякчан, совершенно не старается, и никаких особых способностей я тоже за ней не замечаю. – Она поджала губы. – Не знаю уж, зачем верховная жрица Храма Айгыр рекомендовала ее к обучению в нашей школе!

– Вот она вскоре появится – ее и спросите, – бросила «Трижды шелковая» с бесконечно ласковой улыбкой и двинулась к Аякчан.

– Верховная жрица будет здесь? – всполошилась Синяпчук, но старшая наставница не обратила на нее внимания.

Она остановилась у скорчившейся на своем коврике Аякчан и подобрала с пола отвергнутую Синяпчук ноговицу.

– Она должна быть теплой, – пробормотала старшая наставница, теребя толстую пушистую ткань в пальцах. – Ты сама такое придумала?

Аякчан заглянула в ласковые-ласковые глаза Солкокчон и содрогнулась. Нет уж, нынче она совершила одну ошибку, второй не будет.

– Это всего лишь моя практическая работа, госпожа старшая наставница, – с поклоном сказала она. – По указаниям наставницы Синяпчук.

– И как же этот материал называется?

– Синяптон! – выпалила Аякчан, стараясь не расхохотаться в глупо вытянувшееся лицо толстой мальвины.

– Не замечала за вами склонности к изобретательству, наставница Синяпчук. А вы, оказывается, готовились вписать свое имя в историю Храма, – усмехнулась «Трижды шелковая». – Гениальное решение! Чуть позже вы подробно расскажете, как делается этот... синяптон.

– Вы слишком добры... Синяптон... – пробормотала Синяпчук, потерянно глядя то на начальницу, то на невинно уставившуюся ей в глаза ученицу. – Но зачем он нужен? – в отчаянии выпалила она. – Любой охотник добудет сколько угодно теплых мехов...

– Хотя бы, чтоб никто не смел сказать, что Храм не может сделать то, на что способен любой охотник, – перебила ее Солкокчон. – Еще бы против наглых южан что-нибудь подобное придумать... – буркнула она. – А ты, девочка... – ласковый взгляд переместился на Тайрыму, заставляя ту испуганно ежиться, – должна бы знать, что черные шаманы – единственные, кто умел наводить порчу – уже тысячу Дней как истреблены жрицами Храма! Но даже в давние времена среди них не было способных испортить священный небесный Огонь! Кажется, разговоры о твоём назначении в столичный Храм были преждевременными – тебе явно требуется еще подучиться. – Старшая наставница равнодушно отвернулась от перекосившейся в бессильной злобе Тайрымы. – Впрочем, я не об этом пришла говорить с вами, девочки. Как вы все наверняка знаете... – с нажимом начала она, – Голубой огонь, на котором стоит все благополучие Хра... Средней земли Сивир, возник из голубых слез Най-эквы, многоязыкой Ут, великой хозяйки Огненного Озера Уот Усуутума, божественной сестры повелителя верхних небес Айыы-Тангра, в миг ее высокой печали над людскими грехами и непотребствами. И запас его ограничен!

«А может, опять Уот как следует огорчить? – отстраненно подумала Аякчан, чувствуя, как разжимаются прихватившие внутренности невидимые тиски. – Пусть она еще наревет!» – и тут же торопливо отвела глаза, словно боясь, что кто-нибудь прочтет эту кощунственную мысль.

– Для подготовки новых жриц Храм выделяет школе достаточно Огня. Но кто-то, какое-то чудовище Нижнего мира на нашей Средней земле, видно, не хочет, чтоб вы учились! – старшая наставница гневно встряхнула сжатым кулаком. – После недолгого перерыва вор, уже похищавший из школьных запасов Голубой огонь, начал действовать снова! Именно сейчас, когда нас должны посетить все четыре верховные жрицы разом, – из школьной трубы снова крадут Огонь!

Свиток 2

В котором все узнают, кто же украл Голубой огонь

– Пусть только попробуют меня в столицу не назначить! Мой род... тетка Метаткар... Отец обещал на выпускной оленью упряжку подарить... С золотыми колокольчиками... Ы-ы-ы! – Тайрыма уткнулась лицом в перину, стараясь заглушить рыдания.

– До выпускного еще целый День! – сидящая у ее ложа Дарпек погладила подругу по вздрагивающим плечам. – Старшая наставница все забудет!

– Если эта ведьма Аякчан опять мне не подгадит! Это она виновата! – глухо из-за прижатой ко рту перины провыла Тайрыма.

– Но старшая наставница сказала, что... – осторожно начала Дарпек.

– Я знаю, что сказала наставница! – Тайрыма оторвала лицо от подушки и уставилась на Дарпек воспаленными глазами на покрасневшем от вспышки Огня лице. – Все равно – это ее работа! Аякчан! – Она поймала свое отражение в отполированном сотнями ног ледяном полу спальни и взвыла еще сильнее. – На кого я из-за нее похожа! А если ко мне из столицы тот... ну, парень... возьмет да приедет? А я в таком виде!

– Он что – обещал? – немедленно загорелась Дарпек.

– Он мне стихи писал! – гневно вскинулась Тайрыма.

– А-а, – неопределенно протянула Дарпек. Стихи – стихами, а сомневалась она, что кто-то на Ночь глядя потащится из Зимнего Дворца в их школу, где даже Голубые огни ближайшего к ним Сюр-гуда видны только смутными отсветами в небесах. Но сказать такое расстроенной Тайрыме... Э-э, нет!

– К нам из города старуха-знахарка ходит. У нее крем для лица есть – «Ой-вейн»! Такого даже в городских лавках не найдешь, – Дарпек заговорщицки понизила голос, – на сушеной коже небожительниц-аи!

– Это как? – Тайрыма снова оторвалась от перины.

– Ты что, песен олонхо не слушала? – снисходительно усмехнулась Дарпек. – Ну когда страшная ведьма-албасы убивает девицу-аи, снимает с нее кожу и сама становится раскрасавицей? Если даже албасы помогает, так на обычную среднюю девушку, в смысле, из Средней земли... тем более должно подействовать! Дорогущий, правда, – вздохнула Дарпек.

– Плевать – лишь бы помог! – отмахнулась Тайрыма, решительно сморкаясь в уголок перины. И с интересом спросила: – А что у этой старухи еще есть?

– Ой, да много чего! – обрадованно затарахтела Дарпек. Она давно уже лелеяла мысль подбить Тайрыму на покупку заветного крема – ну и, конечно, самой пару раз его попробовать. – Толченый лазурит для ногтей, маски на тюленьем жиру. Краска-ультрамарин, – Дарпек снова понизила голос.

Тайрыма понимающе кивнула. Чем голубее волосы – тем выше уровень владения Огнем, а потому добавлять себе голубых волос с помощью ультрамарина строжайше запрещалось уставом школы. Но правила пусть перводневки соблюдают! Наставницы наверняка сами красятся – иначе почему у дуры-Синяптук волосы, как у самой Мальвины?

– У этой знахарки все наши девчонки покупают, – заторопилась Дарпек, боясь, как бы Тайрыма не отказалась от дорогущего крема. – Даже Аякчан пузыречек брала – я сама видела!

– Аякча-ан? – протянула Тайрыма. – Я так и думала, что половина голубых прядей у этой албасы – крашенные!

Дарпек опустила глаза. Можно подумать, новые голубые локоны в черных косах самой Тайрымы от упорной учебы! Аж пять штук за раз!

– А мне вот интересно, откуда у безродной деньги на краску? Ультрамарин даже в столице дорогого стоит, уж я-то знаю! – вырвалось у Тайрымы. Она тут же прикусила язычок и покосилась на подружку – не вздумает ли спросить, откуда знает.

Дарпек сделала вид, что ничего не заметила.

– Думаешь, Аякчан...

– Ворует Огонь! – выпалила Тайрыма, несогласная уступить честь потрясающей догадки. – А кому еще это нужно – только такой голодранке, как она! Ворует и наверняка продает!

Дарпек содрогнулась: за нелегальную перепродажу Огня Храм знал лишь одну кару – одарить и продавца и покупателя таким количеством Пламени, чтоб даже их кости расплавились!

– А знаешь, я ведь как-то видела Аякчан возле трубы. И, кажется, она тогда испугалась!

– Так, может, у нее там дырочка просверлена? Как-то же она Огонь качает, – задумчиво предположила Тайрыма и вдруг решительно вскочила с койки. – Помнишь, где точно ты ее видела?

– Ты что – хочешь ее выследить? Сейчас? – испуганно расширила глаза Дарпек. – Но нам же запретили выходить после отбоя!

– Вот именно! – энергично согласилась Тайрыма. – Не думаешь же ты, что Аякчан прямо во время занятий Огонь ворует? Нее-ет, наверняка – как все по спальням разойдутся, тут-то она к трубе и прокрадется! А мы ее – хвать!

– Ну-у... Не знаю даже... Я еще два упражнения по тувинскому для наставницы Кэтэри не сделала... – дрожащим голосом протянула Дарпек, испуганно оглядываясь, словно их кто-то мог услышать. Но в спальне Тайрымы никого, кроме них, не было.

– Прекрати трусить, Дарпек! – скомандовала Тайрыма. – Если мы поймаем школьного вора, Солкокчон нас наверняка поблагодарит! Может, тебя даже в город после школы назначат, – искушающе предположила она.

Дарпек задумалась. Крупный город – пусть даже не столица! – был ее заветной мечтой.

– Ладно, – решившись, выдохнула она. – Но если что...

– Если что, за такую мелочь, как прогулка по коридорам после отбоя, моя тетка Метаткар нас как-нибудь отмажет! – подхватила Тайрыма, устремляясь к двери.

– Тебя-то точно отмажет... – проворчала Дарпек, направляясь за ней.

Отдельная, как у самих наставниц, и стоящая ее отцу немалых денег, спальня Тайрымы опустела. Только Голубой огонь в настенном светильнике вдруг затанцевал, будто под порывом ветра, и резко вспыхнул, рассыпая искры. Казалось, на поверхности Пламени промелькнуло чье-то лицо – и пропало.

– Направо или налево? – требовательно спросила Тайрыма, останавливаясь на развилке коридоров.

– Сейчас... сейчас соображу, – поднося руку ко лбу, пробормотала Дарпек. Она уже жалела, что дала себя уговорить! Награда, неизвестно еще, будет ли, а в пустых гулких коридорах так страшно! Светильники, ярко пылающие во время занятий, теперь были погашены, лишь кое-где тлели слабенькие Огоньки. Беспредельная чернота простирающейся за порогом школы Долгой ночи окрашивала темным белизну ледяных стен. Пол под ногами казался застывшим черным озером, и Дарпек испуганно вздрагивала от звука собственных шагов. – Вернемся? – жалобно попросила она.

– Вот тогда-то мы точно напоремся на мальвин – и даже оправдаться будет нечем! – раздраженно бросила Тайрыма. – Нет уж – я хочу, чтоб эта поганка Аякчан горела Синим пламенем! Вспоминай!

– Кажется, туда... – Дарпек слабо махнула рукой в правое ответвление коридора. – Там еще лестница вниз, – уже уверенней закончила она и побежала за устремившейся вперед Тайрымой.

Огонек светильника, под которым они только что стояли, вдруг вздулся, сыпанул трескучими, будто насмешливыми, искрами и снова опал.

Стараясь не слишком стучать босыми пятками по ледяным ступенькам, девчонки медленно спускались в темноту по скользкой винтовой лесенке.

– Внизу постирочная, – приглушенным шепотом выдохнула Дарпек. – Мы там рубахи моем...

Тайрыма скривила губы – сама-то она понятия не имела, где постирочная. Она всегда платила казенным ученицам – и те старательно стирали ее вещи, боясь пропустить даже самое крохотное пятнышко. Все, кроме Аякчан. Теперь ясно, почему. Удобно устроилась безродная: к постирочной ведь тоже труба с Огнем ведет – и наверняка за ней не следят так пристально, как за главной школьной, с учебным Огнем! Да только Тайрыма поумнее безродной Айки!

Она осторожно ступила с лестницы на отполированный пол. Подсветить бы, но с внутренним Огнем у Тайрымы всегда было плоховато. Ничего, и так справится. Она принялась ощупывать ведущую к постирочной трубу. Дарпек нетерпеливо дышала ей в ухо. Пальцы нашарили маленькую выпуклость... Задыхаясь от предчувствия удачи, Тайрыма вытянула палец – на его кончике вспыхнул крохотный голубой шарик.

– Вот оно! – выдохнула она.

Посреди грубо выкрашенной синей краской трубы торчала плотно пригнанная деревянная пробка. Торжествующая Тайрыма услышала, как Дарпек испуганно втянула носом воздух.

– Надо найти подходящее укрытие... – Тайрыма принялась озираться.

– А можно... – вдруг едва слышно пробормотала подружка. – Можно мы тоже возьмем немножко? Никто же не заметит! – умоляюще протянула она.

Мысли Дарпек лихорадочно метались. Совсем немножко, капелька неучтенного Огня: и собственная баночка с кремом – две баночки! – будут ее! И краска для волос, и даже платье, как у Тайки!

Тайрыма презрительно покосилась на нее – мысли подружки были видны как на ладони. Ладно, пусть берет – лишь бы не сбегала! А уж потом они найдут укрытие, дождутся Аякчан, и едва только безродная воровка протянет руку к трубе – как выскочат, как закричат: «Попалась!»

Трясущимися от предвкушения руками Дарпек вытащила из складок рубахи чашу для Огня, кончиками ногтей подцепила затычку на трубе...

– Попались! – прозвучал торжествующий ледяной голос.

Слепящий Голубой свет хлестнул по глазам. С десятков Огненных шаров вспыхнули вокруг, испуганно вжавшиеся в стену девчонки увидели шагнувшую к ним старшую наставницу Солкокчон.

– Посмотрим на вас, мои воровочки, – с убийственной ласковостью проворковала «Трижды шелковая».

– Тайрыма и Дарпек! – из-за спины старшей наставницы высунулась перекошенная от изумления физиономия Синяптук. – Но зачем девочкам из приличных родов красть Огонь? Я была уверена, что это одна из школьных голодранок!

– Так бывает именно с девочками из богатых родов – когда есть все, хочется больше и больше, – тоже выступая из темноты, тихо возразила Кэтэри, наставница по сивирским языкам и шаманской литературе.

– Мы не крали! – возмутилась Тайрыма.

– Да-да, – Дарпек закивала так, что казалось, голова вот-вот отвалится. – Мы только хотели поймать вора! Вы же слышали, что мы говорили!

– Я слышала только «взять немножко» и «никто не заметит», – с той же зловещей нежностью улыбнулась девчонкам «Трижды шелковая». – А вы, наставница Кэтэри?

– Кражи Огня начались незадолго перед отъездом Тайрымы из рода Буллет в образовательное путешествие, полностью прекратились во время ее отсутствия и возобновились сразу по возвращении, – размеренным голосом, натренированным исполнением эвенкских олонхо и хант-манских «птичьих песен» сообщила Кэтэри.

– Отец мало на наряды выделил? – сочувственным тоном задушевной подружки осведомилась старшая наставница.

– Нынче перед отбоем мною были обнаружены горелые следы, ведущие в комнату Тайрымы, – продолжала Кэтэри. – А возле трубы, поставляющей Огонь в постирочную, я нашла оброненный пояс, украшенный родовыми знаками семьи Буллет! Я немедленно обратилась к старшей наставнице с предложением устроить засаду, чтоб поймать преступницу с поличным.

– У вас что – уши поотмерзали? – срываясь на визг, завопила Тайрыма. – Говорю вам – это не я! Вот мой пояс, смотрите! – трясущимися пальцами она принялась дергать стягивающий ее рубаху кожаный ремень, изукрашенный вышивкой и кусочками меха.

– Красивый пояс. Но у дочери такого богатого рода их вполне может быть и два, и три, – равнодушно качнула головой старшая наставница. – А может, дело вовсе не в нарядах? – вдруг сказала Солкокчон – словно некая мысль только что пришла ей в голову. – Может, это твой отец, повелитель тысячи стад из славного рода Буллет, велел тебе красть Голубой огонь из трубы?

– И-и-и! – наставница Синяптук издала тонкий задушенный писк – и прикрыла рот ладонью. – Госпожа старшая наставница! Вы думаете... – в закрывающие рот пальцы пробубнила она. – Это... заговор? Заговор больших родов против Храма! – уже в полный голос завопила она. – А может, даже... И-и-и! – она запищала еще тоньше. – Может, нити заговора ведут... – Глаза у нее стали большие и круглые, точно оленьи копыто, Синяптук беззвучно зашлепала губами, как вытасченная из проруби рыба, и только молча тыкала толстеньким пальцем вверх, в ледяной потолок. – Может, даже к самому Советнику! – наконец выдохнула она. – Этому только дай... Против Храма-то... – неприязненно добавила она.

– Мы не должны без доказательств обвинять сопровителя Ее Снежности! – строго сказала Солкокчон, но что-то в выражении лица старшей наставницы говорило, что она слушает Синяптук со вниманием.

Толстая мальвина немедленно воодушевилась:

– А с доказательствами? С доказательствами можем? – Синяптук выпрямилась и торжественно потребовала: – Мы должны немедленно вызвать дознавательниц Храма! Пусть узнают, на что папаши из богатеньких родов подбивают своих дочек! – И она недобро поглядела на онемевших от ужаса Тайрыму и Дарпек.

– Не-ет! – валясь на колени, истошно закричала Дарпек. – Не надо! Наставница Солкокчон! Мой папа ни при чем! Это все Тайка, это она...

– Замолчи, дура-колмасам! – отвесив Дарпек хлесткую пощечину, крикнула Тайрыма.

– А вот мы и выясним, кто – при чем, кто – ни при чем... Кто, кого и на что подбил... – своим страшным шелковым голосом проникновенно сказала Солкокчон. – Наставница Синяптук... Забирайте этих двоих в карцер и... разберитесь, – скомандовала она. – А дознавательниц пока... не надо. Не стоит выносить сор из чума – все-таки заговор в школе... Плохо для ее репутации. – Она брезгливо поморщилась.

– Совершенно верно, старшая наставница Солкокчон! Как вам будет угодно, старшая наставница! – от рвения выпячивая глаза и грудь, выпалила Синяптук. – А вы... А ну

пошли, воровки! Надо же, племянница самой Метаткар... Заговорщица! – наливаясь кровью, заорала вдруг она и с силой ухватила обеих девчонок за руки. – А я вам еще помогала! Ах вы, нижние авахи! Ничего-о! Вы мне все-е расскажете! Все-е! Ах вы, мерзкие албасы! Не видать вам больше Храма как своих затылков! И то еще легко отделаетесь! Посмотрим, какие песни-олонхо ваши папаши запоют, когда за них дознавательницы возьмутся!

– Как вы смеете говорить такое про моего уважаемого родителя! Главу богатого рода! – отчаянно вырываясь из сомкнувшейся на ее запястье руки, крикнула Тайрыма.

– Кончилось уважение! И богатство его закончилось тоже! А твои родичи на Храмовом костре визжать будут! – злорадно выпалила Синяптук и, шагая через ступеньку, поволокла упирающихся девчонок по лестнице. – А я погляжу!

– Не-ет! Не нада-а! – удаляющийся визг Дарпек затих за поворотом лестницы.

– Вот всегда она была жестокой женщиной, – с явным одобрением глядя Синяптук вслед, сказала «Трижды шелковая».

– А она не слишком? – с некоторой неуверенностью в голосе пробормотала Кэтэри. – Еще и впрямь слепит нам какой заговор прямо в школе. Стоит ли? Особенно сейчас, когда... – и она многозначительно посмотрела на старшую наставницу. – Да и отношения с Метаткар испортим...

– Стоит, Кэти, именно сейчас, – отчеканила Солкокчон. – Особенно насчет Метаткар... А то ведет себя, будто мы победили и она уже стала верховной жрицей. Причем без нас, – она так же многозначительно поглядела на Кэтэри. – Надо ее немножко в чувство привести. Представляешь, какая у нашей дорогой подружки Метки будет рожа, когда ее племянницу выкинут вон из школы! – И «Трижды шелковая» расплылась в леденящей улыбке.

Кэтэри насмешливо сощурилась:

– Этих глупых девчонок, случаем, не ты подставила, а, Солка? А то ведь я пояс вышитый, что меня на подозрения навел, найти не могу. Как растворился... Следы горелые на полу тоже исчезли. И вот этой дырки... – она многозначительно постучала по трубе, – тут еще совсем недавно не было! Я точно знаю, сама эту трубу два раза осматривала.

– Следы Тайрыма могла и затереть, – не отвечая, пробормотала Солкокчон. – А в остальном – любопытно. Я этим еще займусь, но не сейчас. Сейчас очень даже хорошо, что виновные у нас из богатеньких – родичи все оплатят, надо только их пугнуть как следует. Перед приездом верховных жриц все должно быть в ажуре, как на ледяном кружеве! – И она принялась кончиками ногтей выковыривать затычку из трубы.

– Зачем они приезжают – да еще все сразу? – напряженно спросила Кэтэри.

– Ты даже не представляешь, насколько «все сразу» они приезжают, – расшатывая затычку, пропыхтела Солкокчон. – САМА... – она сильно выделила слово, будто написала его большими буквами, – тоже будет. Они хотят с НЕЙ встретиться.

– У нас? Они что, не могли во Дворце устроить встречу? – нервно переспросила Кэтэри. – Думаешь, они... – она задохнулась от ужаса, – знают?

Солкокчон холодно рассмеялась.

– У нас, дорогая моя, нынче развелось столько тайн и при этом столько болтливых дур, что я не удивлюсь, если верховные старухи и впрямь кое-что знают! В их поколении больше сотни таких, как они, было – и все до одной сгинули. Только наши четыре бабульки – по сей День живы-здоровы. Так что я парочку секретных ходов себе заготовила – на случай, если сматываться придется. И не говори мне, что у тебя их нет! – В этот момент затычка наконец выскочила, и из трубы с шипением вылетел длинный язык Пламени. – Огненноглазая тебя побери! – Ругнувшись, старшая наставница запечатала дыру ладонью.

– Есть, конечно, – подскочившая Кэтэри торопливо шлепнула свою руку сверху. – Но, может, еще и обойдется?

– Может, и обойдется, – неожиданно легко согласилась Солкокчон. – Все, отпускай. – Шипение Огня прекратилось, и она отняла руку от совершенно целой трубы. – Нормально, – критически оглядев свою работу, признала она. – Мало ли, почему они решили встречаться здесь? Может, просто хотят быть подальше от дворцовых сплетен. Верховная Дьябылла вообще Зимний не жалуется, с тех пор как НАША себе Советника назначила. Приедут – разберемся. Главное, чтоб САМА не струхнула и не наделала глупостей.

– Не наделает, – решительно мотнула головой Кэтэри и криво усмехнулась. – Она ведь, как и мы с тобой, из тех, кого наша всеми обожаемая сестра Синяптук называет голодранками.

– Синяптук – в небо пук! – рассеянно пробормотала Солкокчон и, морщась, потерла ладони. – Печет – будто едкое что-то на этой трубе было... Надо будет выгнать учениц коридоры отполировать. – Шаги наставниц зазвучали на ступеньках, их голоса постепенно затухали, удаляясь по ледяной лестнице. Затихли окончательно.

Мгновение в опустевшем коридоре царил темнота, слегка прореженная слабыми голубыми бликами из прикрученного светильника. Случись здесь кто, ему бы показалось, что сплошная ледяная стена под уводящей вверх лестницей колеблется, будто сминаясь под невидимой рукой. «Кап-кап-кап», – послышался звук водной капли. «Жур-жур-жур», – тоненькая струйка воды скользнула по стене торопливой змейкой, и вдруг стало ясно, что стена и впрямь трепещет, как листок бересты под ветром. Казавшаяся сплошным молочно-белым монолитом, она вдруг зашипела и... опала, расплескиваясь мелкими лужицами. Сплошной поток Голубого света залил коридор – и за растаявшим укрытием появилась прячущаяся под лестницей маленькая потайная комнатка с заваленным свитками низким столиком-нэптывуном и стоящей в углу высокой сияющей чашей с Голубым огнем!

К трубе скользнула девчоночья фигурка.

Губы Аякчан были недовольно надуты – вот только полировки коридоров ей сейчас не доставало! А в остальном все не так уж плохо получилось. Лицо ее просветлело, она свела кончики пальцев вместе, и на них яркой дугой вспыхнул Огонь. Мгновение, и в кулаке у девочки оказался вышитый пояс – точно как у Тайрымы. Аякчан усмехнулась – и пояс снова растекся Огнем, всасываясь обратно в пальцы. Если уж проницательная Кэтэри подозревает наставниц, значит, она все делала правильно, значит, никто из мальвин даже не догадывается об ее истинных силах. Вскрыть трубу для Аякчан было раз плюнуть, вот именно так: один плевок – и дырка! Но, конечно, она не станет этого делать – ведь если Огонь будет пропадать и после поимки виновных... Аякчан покачала головой. Придется пока держаться на уже украденных запасах и накопленном внутреннем Огне. Девочка обернулась к скрывавшейся за растаявшей стеной потайной комнатке. Конечно, найди «Трижды шелковая» спрятанную тут чашу, мигом сообразила бы, что Огня в ней примерно столько же, сколько исчезло из хранилищ школы. Ну а вытащенных из библиотеки свитков никто не хватится – там, где Аякчан нашла их, вряд ли кто-то бывал за последнюю сотню Дней! На уроках им не рассказывали и десятой доли того, что скрывалось в этих старых свитках! Накопление Огня... Создание Огненных щитов... Огненные шары массового поражения... Лезвие Пламени... Мальвины скрывают эти знания от учениц, а может, и сами ничего такого не умеют?

Аякчан принялась перебирать свитки подрагивающими руками. Она удивлялась до сих пор – эти свитки, написанные одним и тем же летящим беспорядочным почерком, в первый же школьный День словно позвали ее. Зачем она пошла к самым дальним, давно заброшенным полкам – она и сама не знала. Но там, под многодневными напластованиями пыли, лежали они. И они же научили ее, как натаскать Огня для тренировок. Но кое-чего не было даже здесь.

Девочка пристально уставилась на растекшуюся по полу воду. Под ее взглядом мелкие лужицы зашевелились, принялись торопливо сползаться, миг – и молочно-белая ледяная стена взметнулась на прежнем месте, скрыв Аякчан и ее потайное убежище.

Аякчан посмотрела с упреком, будто выросшая четвертая стена тайной комнаты ее кровно обидела самым фактом своего существования. Конечно, приятно и полезно уметь проделывать подобные вещи! Еще бы знать – как она это делает? Или как жрица Айгыр летает на облаках? Об этом в древних свитках по управлению Огнем нет ни слова – и Аякчан даже начинала подозревать, что Огонь тут ни при чем! Она старательно гнала от себя подобные мысли. Все знают, что, кроме жалких потуг белых, Дневных, шаманов, способных разве что дичь под выстрел выманить да царапину заговорить, единственным источником силы на Сивире был покровительствующий жрицам Голубой огонь, и больше ни-че-го! И думать по-иному, как сказано в Заветах Храма, «есть черная ересь и преступное погашение Пламени в собственной душе, ведущее ко ввержению тела в Огонь Очищающий». Вот уж куда бы не хотелось... ввергаться!

А может, верховную Айгыр спросить? «Трижды шелковая» ведь говорила, что та приезжает. Мысли Аякчан сменили направление. Станный какой разговор она слышала... Верховные жрицы Храма – Айгыр и Айбанса, Дьябылла и Демаан, – четверо, что держат в своих руках реальную власть над Сивир-землей. И они хотят тайком встретиться в их школе с САМОЙ... Аякчан даже предположить боялась, кто это могла быть – но после упоминания о Советнике сомнений не оставалось. Скоро Тайрыма будет не единственной ученицей школы, видевшей Снежную Королеву! Неужели Солкокчон говорила правду – и нынешняя Ее Снежность была когда-то такой же казенной ученицей, «голодранкой безродной», как и сама Аякчан? Интересно, как она всего добилась? Да уж точно не прячась по комнатушкам под лестницами!

Девочка свернула свиток так решительно, что старая береста жалобно хрупнула. Она всегда верила, что знание – и впрямь сила, и сила эта не только в свитках! Она должна узнать, для чего устраивается эта секретная встреча между «великой четверкой» и Королевой. И чем она так пугает мальвин, у которых явно есть какие-то общие с САМОЙ секреты.

Только сперва еще одно дельце. Аякчан расправила длинную черно-синюю прядь перед прозрачной линзой полированного льда и тяжело вздохнула. Обманула все-таки старая знахарка, паршивую краску подсунула. Постоянно подкрашивать приходится. Аякчан достала из-под столика пузырек и стала аккуратно замазывать угольной смесью просвечивающий даже сквозь черную краску пылающий ультрамарин своих волос.

Свиток 3

Где все ждут Снежную Королеву

Аякчан бежала, скользя гладкими лыжами-голицами³ по укатанной трассе. Сзади раздался усердный пыхтеж, как у медведя над свежепойманным лососем, и с ней поравнялась запыхавшаяся Юлтэк.

– Ну ты и прешь – догнать невозможно! – хватая ртом воздух, выдохнула она.

– Я привычная, – буркнула Аякчан, считая шаги. Р-раз – вдох, два – выдох, р-раз – вдох...

– Ты с каких это пор Синяптучку так возлюбила, что ей подарки делаешь? – требовательно спросила Юлтэк. – Нет, ты не отмалчивайся, объясни мне, зачем ей этот свой... синяптон отдала?

Аякчан только неопределенно повела плечом. Если Юлька до сих пор не догадалась, как сильно в их школе «любят» учениц, которые высовываются, – то кто ж ей знахарь?

Сама Аякчан все давным-давно поняла. Еще когда в первый День обучения сумела втянуть в себя Огня вдвое больше, чем любая другая ученица, а в волосах ее немедленно прорезались две новые голубые пряди. В глазах Солкокчон тогда промелькнула ярость, а потом они стали ласковые-ласковые, как вода над омутом. С тех пор Аякчан была очень осторожна, а синева в ее волосах не прибавлялось – спасибо черной краске.

Поняв, что ответа не дождется, Юлтэк негодуяще фыркнула, но все-таки сменила тему:

– Слыхала? У нас большой общешкольный праздник – Тайрыма с подружкой нас покидают! – Она поглядела в невозмутимое лицо Аякчан и сама себе кивнула: – Ты уже знаешь. Ну, тебе всегда все известно. А что девчонки говорят, тоже знаешь? – И, не дожидаясь ответа, сообщила: – Что у этих двоих ума бы не хватило придумать, как Огонь тырить, и что какой-то хороший человек их подставил всем нам на радость!

– Не думаю, что человек такой уж хороший. Просто Тайрыма и Дарпек вверху списка на распределение после школы. Если их места освобождаются, весь список подвинется, и кое у кого появится шанс... – не сбиваясь с ровного бега, пробормотала Аякчан.

Юлтэк скорчила досадливую гримаску.

– Вот всегда ты думаешь только плохое! – пропыхтела она. – Как будто люди для других людей что-то вроде... не знаю... гарпуна, во! Взял человечка, рыбы для себя им набил – и выкинул, а что он там себе думает-чувствует, вовсе не интересно.

– Так оно и есть, – пожала плечами Аякчан. – Если не пользуешься никем ты – пользуешься тобой.

– Мной ты тоже пользуешься? – проворчала Юлтэк.

– А ты мной – нет? – усмехнулась Аякчан. – Для домашних заданий, например?

Юлтэк обиженно надулась и отстала. А чего обижаться, если это чистая, как первый снег, правда? Вот хоть ее собственный отец: женой попользовался – чтоб справное хозяйство завести, дочерью – родней обрасти. Скажи ему кто, что первая жена да старшая дочь думают-чувствуют, он бы удивился, будто с ним о сложном внутреннем мире оленьего седла заговорили. И, наверное, это правильно! Во всяком случае, только так и можно, если ты родилась голодранкой, а хочешь выбиться... в Королевы!

А почему нет? Другие же смогли – она сама слышала!

---

³ Голицы – скоростные лыжи с гладкой поверхностью, снегоступы (лыжи камусные, подволошные или просто подволоки, т. е. подшитые лыжи) – широкие овальные лыжи, по поверхности подклеенные мехом, дают возможность не скользить, а ступать по снегу, не проваливаясь.

– Аякчан! Албасы тебе в косы, кому говорю? Прибавь шагу, ковыляешь, как одноногий авахи!

Аякчан дернулась, едва не полетев вверх лыжами. Вот так и начнешь верить в правдивость песен, где голос богатырки «слышен на шесть Дней пути!» А уж их школьная богатырка Алтын-Арыг могла так гаркнуть, что школьные башни приседали! Широко скользя на своих голицах, Алтын-Арыг легко обошла бегущих девчонок и понеслась впереди всех – невысокая, изящная, сама похожая на девочку.

«Потрясающая тетка!» – как всегда, с легкой завистью глядя ей вслед, подумала Аякчан. Школьная богатырка Алтын-Арыг была единственной нежрицей среди наставниц школы, и только ее ученицы никогда не называли мальвиной – хотя бы потому, что она красила волосы в ядовито-розовый цвет. На вопрос – зачем, невозмутимо заявляла, что если по всей Средней Сивир-земле толпами шастают голубые бабы, почему не быть хоть одной розовой? «Трижды шелковая» Солкокчон на это лишь холодно улыбалась, а Синяпчук бесилась и раз за разом слала в Храмовую канцелярию доносы, обвиняя Алтын во всех грехах от «преступной непочтительности» до «попыток низвержения Храма». Канцелярия всегда отмалчивалась, а «случайно» вылетевший с площадки каменный мяч неизменно крошил ледяные стены в комнате Синяпчук. Аякчан было ужасно интересно, кто и почему покровительствует лихой богатырке.

– Тащитесь по дистанции, как беременные важенки! – снова заорала Алтын. – Все уже летать научились, никто больше бегать не хочет?

Аякчан снова нервно дернулась. Разумом она понимала, что Алтын ничего о ней не знает и ни на что не намекает, но когда у тебя много секретов, все время боишься, что какой-нибудь да всплывет! Спокойно! Спокойно, все у нее получится!

Богатырка вложила два пальца в рот и коротко свистнула.

– Так, сдали лыжи, взяли мячи и разбились на пары! Быстро, быстро, не спим!

Аякчан с натугой подхватила один из каменных мячей и остановилась напротив Юлтэк, явно давая понять, что ждет ее. В ответ подруга одарила Аякчан мрачным взглядом, но все-таки пошла.

Настоящей медной площадки для игры в каменный мяч при школе не было. Храм считал, что уж без нее будущие жрицы точно обойдутся, а раскрутить кого-нибудь из родителей побогаче Алтын до сих пор не удавалось – все-таки богатырство являлось в школе не основным предметом. Вместо площадки был всего лишь серебриющийся в Ночной темноте пятячок утоптанного снега, весь в выбоинах от оброненных мячей.

– Отрабатываем прием нижней подачи! – гаркнула Алтын. – Бросок все знают? Двумя руками снизу вверх от бедра! Одна подает, вторая – принимает, потом меняетесь. Мяч не отбиваем, принимаем! Качайте ручки, качайте, у жриц они, знаете, какие накачанные должны быть, чтоб Храмовые приношения нагребать? Для особо продвинутых, которые думают, что они уже жрицы, напоминаю – за прошлый День нам выделили всего пять новых мячей! Поэтому если кто бесценный богатырский снаряд с перепугу своим Огнем подплавит... – Богатырка обвела толпящихся вокруг учениц многозначительным взглядом – глаза у нее были необыкновенного желтого цвета с яркой черной точкой зрачка. Совершенно тигриные, навевающие безотчетный ужас даже на наставниц, а уж учениц заставляющие моментально опускать голову и облегченно переводить дух, когда этот жутковатый звериный взгляд скользил дальше. – Честно предупреждаю, лучше сразу и самосжигайтесь! Всем все ясно?

Раздался гул голосов – одновременно согласных и обиженных, – и площадка наполнилась утробным хеканьем бросающих, грохотом оброненных мячей и возмущенными криками. Аякчан пригнулась, напряжила ноги в коленях и слегка качнула мяч туда-сюда.

Каменный снаряд вылетел из сцепленных в замок пальцев и взмыл над площадкой – невысоко и недалеко.

– Совсем безрукая, – с чуть презрительным равнодушием заключила богатырка и отвернулась к другой паре.

Юлтэк легко шагнула вперед и приняла мяч на согнутые руки. Пошатнулась под его тяжестью, но устояла. А вот теперь поглядим, достаточно ли сильно ее удалось обидеть.

Ой, похоже, достаточно! На лице Юлтэк появилась злая решимость, и она принялась раскачивать шар перед броском. Ра-аз... Два-а... Три! Камень выпрыгнул из ее рук и, со свистом рассекая воздух, понесся на Аякчан.

Как всегда, больше всего ей хотелось развернуться и дать деру от летящей каменюки...

Как и положено, она кинулась камню навстречу...

О-ох! Обточенный шар всем немалым весом шлепнулся ей на руки, она судорожно прижала его к животу и засеменила, перебирая ногами, чтоб не упасть. Теперь руки от запястий до локтей в синяках будут! Как же она на самом деле ненавидит проклятый булыжник! У отморозка, который эту так называемую игру выдумал, у самого был вместо головы камень!

Не позволяя ни одной из этих мыслей отразиться на лице, Аякчан торжествующе ухмыльнулась Юлтэк – дескать, что, взяла? Юльку надо продолжать дразнить, а то спустит пар и успокоится, а Аякчан совсем другое нужно.

Сработало – лицо Юлтэк стало еще ожесточенней. Она легко приняла подачу Аякчан и метнула мяч снова, на этот раз явно целясь ей по ногам. Не ожидавшая от себя такой прыти, Аякчан поймала каменный шар у самой земли и тут же запустила его обратно. В этот момент язычки Голубого огня в окружавших площадку светильниках вдруг дружно пригнулись, как от сильного порыва ветра – хотя морозный Ночной воздух был совершенно неподвижен. Потом выпрямились и затрещали, рассыпая искры, будто приветствуя кого-то. Аякчан стиснула зубы – пора! Она надменно выпрямилась и одними губами прошептала то, что в роду Юлтэк считалось чуть ли не самым страшным оскорблением:

– Слабосильная, как мышь!

– Я? – Глазищи Юлтэк мгновенно стали бешеными.

Дальше все случилось в один миг. С глухим гулом каменный шар взвился в воздух и ринулся в лицо Аякчан. Растерявшаяся девчонка заметалась, неловко подставляя руки... Будто ударом гигантского кулака ее сбило с ног и покатило по земле. Богатырка яростно засвистела и со всех ног кинулась к лежащей на снегу скомканной, как тряпочка, фигурке. Беспомощно распростертые руки девочки были совершенно неподвижны.

– Огненноглазая, да что же это! – испуганно пробормотала богатырка, хватая лежащую ничком девочку за плечи и бережно переворачивая на спину. Лицо Аякчан было залито кровью.

Припавшая рядом на колени Юлтэк испуганно завопила.

Аякчан глубоко вздохнула и открыла глаза. На губах ее появилась виноватая улыбка:

– Я... не удержала... Сильный удар...

– Си-ильный! – передразнила богатырка, но в голосе ее слышалось явное облегчение. Она сгребла горсть снега и прижала к кровоточащему носу Аякчан.

– Аечка, честное слово, я не хотела! – всхлипнула Юлтэк.

– Хотела, – страдальчески трепеща ресницами, выдохнула Аякчан. А вот пусть теперь чувствует себя виноватой!

– Я ее к знахарю отведу! – подорвалась Юлтэк.

– Еще чего не хватало! – возмутилась богатырка, которая терпеть не могла, когда пропускали ее занятия. – Руки целы. Ноги целы, – ощупывая Аякчан, объявила она. – Сама дойдет! А ты – марш на место!

– Я не хочу к знахарю. Лучше в спальне полежу. – С трудом поднимаясь на ноги, пролепетала Аякчан.

– Полежи, полежи – бока не отлежи! – рявкнула безжалостная богатырка. – Чтоб на следующем занятии была готова, как охотничье копье! А вы что вылупились? – заорала она на девчонок. – Продолжаем! Еще кто бросок пропустит – сама тому голову оторву и вместо мяча кидать заставлю!

Прижимая к лицу ком снега, Аякчан, пошатываясь, побрела к сверкающей бело-голубой громаде школы, будто короной увенчанной четырьмя башнями с пылающим на вершинах Голубым огнем. Сине-золотые сполохи Пламени плясали на фоне угольно-черного Ночного неба.

Следом за девочкой по белому снегу тянулась редкая цепочка кровавых капель. Спиной она чувствовала устремленный ей в спину жалостливый и виноватый взгляд Юлтэк. Аякчан остановилась, словно переводя дух, обернулась и – так уж и быть! – ободряюще махнула подружке рукой. Держась за ледяную стену, скрылась за углом здания.

Убедившись, что с площадки ее не разглядеть, Аякчан резко выпрямилась и двумя пальцами прижала переносицу. Язычок Голубого пламени лизнул лицо, и кровь из носа перестала капать. Она наскоро умылась снегом и, как было сказано в древних свитках, пристально, не моргая, уставилась в Огонь закрепленного на молочно-белой стене светильника. Как всегда, когда она смотрела сквозь Пламя, ей казалось, что ее становится много, целая вереница Аякчан, и каждая выглядывает из пылающего, но не обжигающего Огня разбросанных по всей школе светильников, осматривая пустые коридоры и переходы. Все на занятиях, школа будто вымерла! Она оторвалась от Пламени, закрыла глаза и расслабилась. Что-то мягкое и ласковое, как пушистый зверек, толкнулось изнутри в голову и плечи, и девочка медленно воспарила вдоль стены учительской башни.

Вот сейчас кто-нибудь увидит, как ученица Аякчан летает, будто жрица с двадцатидневным стажем, – и ей конец! Она плотно вжалась в стену и заскользила по поверхности. Ей нужно было на самый верх, где прямо под чашей с Огнем прятался кабинет старшей наставницы. Если уж устраивать в школе секретные встречи – то только там, куда ни один соглядатай не проберется. Разве что прилетит... Аякчан нервно хихикнула и остановилась, едва не врезавшись в козырек венчающей башню Огневой площадки. Край ее нависал над узким окошком из тонкого прозрачного льда. Гибким, как у змеи, движением девочка скользнула под широкий выступ, вжалась в него спиной и затаилась.

Тут же сквозь тонкий лед окошка послышался стук открывающейся двери и потрясенный возглас Солкокчон:

– Мои прекрасные госпожи! Вы уже здесь!

Не выдержав, Аякчан свесила голову и заглянула внутрь. «Трижды шелковая» стояла, напряженно уставившись на дверь кабинета. А в дверь входили они. Верховная жрица Храма Айгыр – такая же, какой она запомнилась Аякчан, когда прилетела за ней верхом на дождевой туче: с лицом не старым и не молодым, будто для него не существует неумолимого бега времени, и холодно-прекрасным, словно вырезанным из льда. Верховная жрица Айбанса – хрупкая, как обледенелая веточка, с тонкой до прозрачности кожей и нежно-голубым, как туман над водой, облачком кудрявых волос. Между красавицами, переваливаясь беременными утками, ковыляли две приземистые, будто пеньки, фигуры, от макушек до пят закутанные в белые одеяния. Дьябылла и Демаан!

– Я... Я даже не заметила, как вы появились! – в растерянности пробормотала старшая наставница.

Одна из приземистых фигур шевельнулась, и сквозь намотанные на нее тряпки выглянул круглый, как блюдо, глаз – кроваво-алый, весь в извилистых желтых прожилках.

– Когда б замечала, тогда можно было б и тебя на наше место, – слышался густой и низкий, словно рев быка, голос.

Подслушивающая Аякчан почувствовала, как от звука этого голоса у нее внутри все скукоживается. По напряженной спине Солкокчон она видела, что старшая наставница боится не меньше ее. Но голос «Трижды шелковой» был спокоен и так шелковист, что полностью оправдывал ее прозвище:

– Мне даже думать о подобном не следует! Приветствую вас, повелительница Демаан!

Если это – Демаан, то вторая, выходит, Дьябылла. Вторая из верховных впрыгнула в комнату, как ребенок, скачущий на одной ножке. Еще один такой же неуклюжий прыжок – сложившись пополам, будто ее с размаху перерубили мечом, Дьябылла плюхнулась на подушки рядом с Демаан и неподвижно застыла грудой грязного тряпья. Идущая последней Айгыр захлопнула дверь.

– Ну – где эта девчонка? – усаживаясь, осведомилась хрупкая Айбанса, и ее почти детский облик странно не сочетался с брюзгливым старушечьим голосом. – Или она думает, мы будем ее дожидаться?

– Я уверена, Ее Снежность сейчас появится, правительница Айбанса! – раздался тихий примиряющий голос.

Свесившись ниже, Аякчан разглядела сквозь окошко скромно приткнувшуюся в уголке наставницу Кэтэри.

– Быть может, великие жрицы желают узнать об успехах рекомендованных ими учениц?

– Ну и как моя... как там ее... – прикрывая узкой изящной ладонью скучающий зев, пробормотала Айгыр.

– Аякчан, третий День обучения, – подсказала «Трижды шелковая». – Старательная девочка и даже не без способностей. Хотя если дозволено мне будет говорить откровенно, особых талантов за ней не замечено.

– Ну и Эрлик с ней, – небрежно обронила Айгыр. – На окраинах Средней земли хорошо обученные жрицы тоже нужны. А ваши платные ученицы отбиваются от подобных назначений, как кули от шамана!

Подслушивающая над окном Аякчан почувствовала, как наливается жаром от ярости. А она-то считала Айгыр своей покровительницей! Своим шансом! Дать бы ей сейчас Огненным шаром промеж ушей!

Айгыр вдруг дернулась – будто от удара по голове. Стремительно повернулась – и устояла прямо в окне. Едва не завопив от ужаса, Аякчан отпрянула от прозрачного льда.

В кабинете повисла недолгая пауза.

– А может, она себя еще проявит? – очень странным тоном сказала Айгыр и вдруг хихикнула.

– Раньше в бесплатные ученицы мы брали только девочек с выдающимися способностями, – все тем же брюзгливым тоном пробурчала Айбанса, по-старушечьи поджимая нежные девичьи губки. – А теперь и средненьким рады! Потому что вы – и эта ваша девчонка, которая возомнила себя тут главной! – вместо того чтоб поддерживать Огонь, заигрываете с богатыми родами! Набираете в школу Эрлик знает кого! – При упоминании владыки Нижнего мира Дьябылла и Демаан дружно дернулись и повернули головы, зло глядя на Айбансу сквозь завесу своих тряпок. Но ту это не смутило. – А учите еще хуже! – продолжала цедить она. – Сперва от практических занятий их прячете – конечно, если девчонку разнесет по окрестностям, с папаш больше ничего не выdoiшь! А потом эти ваши богатенькие недоучки на первой же самостоятельной работе горят Синим пламенем!

– Большие роды набирают силу, – странно было слышать из уст старшей наставницы этот смиренный голос. – И все чаще говорят о непомерно высокой цене на Огонь...

– А тому, кто это говорит, надо выдавать порцию Огня бесплатно лично в руки, – со зловещей ласковостью протянула Айбанса. – Тогда остальные живо заткнутся! А вашей школьной подружке, похоже, королевский венец голову сдавил так, что все мозги вылезли!

Это они – о Снежной Королеве? Трясаясь от страха и одновременно обмирая от любопытства, Аякчан снова осторожно заглянула в окно.

– Это надо же! Против нее мятеж поднимают, а она нет бы пустить в главного мятежника Синим пламенем, а его горелый скелет провезти по всему Сивиру, чтоб другим неповадно было, – берет его себе в Советники! И теперь он мутит воду прямо у нас под носом – законы принимает! Богатые роды наглеть начали, южане вообще страх потеряли – позволяют себе грозить жрицам! – взвизгнула Айбанса. – Они, видите ли, пожалуются Советнику! – явно передразнила она кого-то.

– Времена изменились, правительница Айбанса, – осторожно начала Солкокчон. – Храм не может позволить себе вражду с могучими родами...

– Я видела больше всяких времен, чем ты, малодневка! – оборвала ее Айбанса. – Но во все времена верным способом избежать вражды был ха-ароший клубок Огня врагу на голову! Горелый пепел – он ни с кем враждовать не может! Неплохо бы и королевочке вашей... – она скривила губы... – это усвоить!

– Не нравится – давайте ее прибьем! – хрипло прорычала Демаан. – А Королевой поставим... все равно кого, хотя бы вот эту, – красный в прожилках глаз крутанулся в глазнице и вперился в Кэтэри.

– Думаешь, станет лучше? – насмешливо поинтересовалась Айгыр.

– Не станет – и эту тоже прибьем!

Прямо над головой у подслушивающей Аякчан, на вершине башни, затопотало множество ног.

– А вот и она! – срывающимся от облегчения голосом вскричала Кэтэри.

Из-под потолка кабинета рухнул поток лунного света, и звучный голос провозгласил:

– Повелительница всей Средней Сивир-земли! Гор Сумэру! Великого Океана! Ее Снежность...

Кэтэри и Солкокчон вскочили и согнулись в поклоне.

Верховная Айгыр приподнялась...

– Можешь так не надуваться, девочка, тут все свои, – приветливо сказала она, поудобнее умащивая под собой подушки.

– Явилась! – от рыка Демаан звякнули чаши на низеньком столике. – Спускайся и закрой за собой дверь!

Торжественное провозглашение оборвалось, раздалось смущенное перешептывание, потом дверь наверху резко захлопнулась. Из-под потолка кабинета медленно спланировала голубоволосая женщина в обычной для жрицы белой рубаше и шитом золотом синем плаще.

Позабыв об опасности, Аякчан высунулась из-под козырька и снова свесилась над окном, во все глаза уставившись на Снежную Королеву.

Свиток 4

Знакомящий с разными бедами земли Югрской

Женщина в плаще казалась старше лишенной возраста Айгыр и уж тем более старше, чем похожая на девочку Айбанса. Она нервно поправила золотой с сапфирами обруч в ярко-голубых волосах и, сцепив руки за спиной, замерла посреди кабинета, неуверенно косясь на мрачных верховных жриц.

Солкокчон громко откашлялась:

– Окажите нашей школе честь – присядьте, Ваша Снежность, – с нажимом сказала она.

Королева словно очнулась, заморгала и, вдруг смутившись чуть не до слез, торопливо уселась. Старательно делая вид, что вовсе не собиралась торчать посреди кабинета, как вызванная для наставления девочка-ученица.

– Легким ли был путь, попутным ли ветер? – немедленно подхватила Кэтэри, протягивая Королеве чашу с кумысом.

– Ну хватит! У вас, девчонок, Дни и Ночи немереные, а мы, старухи, времени на пустяки терять не можем, – раздраженно кривя полудетское личико, проворчала Айбанса. – Ты имеешь хоть какое-то представление о надвигающейся катастрофе? – Айбанса уставилась на сидящую перед ней средних лет женщину, как престарелая тетушка на придурковатую племянницу, взятую в дом из милости.

– Конечно! – Королева мгновенно приободрилась. – Положение действительно не из лучших, но мы принимаем меры! – Она стала деловито загибать пальцы. – Во-первых, вся Югрская земля объявлена зоной бедствия. На границах ее выставлены блок-посты. Это не позволит потоку беженцев хлынуть на другие территории. Не нужна нам вселивирская паника и опасные для Храма слухи – что мы, дескать, не можем справиться...

– Очень мило! – вдруг потеряв всякую почтительность, протянула Солкокчон. – А если эти отмороженные чудища двинутся на города? Мы здесь, между прочим, совсем близко от вашей зоны бедствия! Что я буду делать, если какой-нибудь мерзлый мамонт повадится гулять у стен моей школы?

– Вспомнишь, что ты не только мальвина, но и жрица, и затолкаешь ему в хобот хорошую порцию Огня! – с неожиданной жесткостью рывкнула на нее Королева. – Мамонты – местные называют их «Вэс» – и древние великаны эрыг отыры отмораживаются только в тундровой зоне. Тамошние жрицы вполне справляются с ними! Не все же им тюленей пинать да подношения Храму присваивать, иногда и работать надо! – зло процедила она. – Реальную опасность представляют только поналезшие невесть откуда мэнквы-людоеды. Эта проблема ранее представлялась практически неразрешимой. У великанов толстая шкура и вечно мокрая от снега шерсть – обычный Огненный шар их почти не берет, а жрицу, вышедшую на мэнква со слишком большим зарядом Огня в теле, просто разнесет в клочья излишками Огнезапаса! Храмы Югрской земли категорически не справлялись, а отправлять туда жриц из других мест значило бы оставить без Огневой поддержки половину Сивира. Но... – она сделала эффектную паузу. – Я получила сообщение от жрицы Магнитной горы – южные умники все-таки соизволили поработать головами! Скоро – совсем скоро! – новое оружие против мэнквов-людоедов будет здесь! – И она гордо откинула увенчанную золотым обручем голову, торжествуя глядя на четверку верховных жриц.

Некоторое время верховные, не моргая, смотрели на Королеву. Потом Демаан скосила кровавый глаз на Айгыр:

– Ты, случаем, не знаешь, это она о чем?

– Она о массовом нашествии мэнквов-людоедов на Югрскую землю, – сосредоточенно изучая инкрустированные мелкими сапфирами ногти, пробормотала Айгыр.

– А кому мешают мэнквы? – удивленно проскрежетала Демаан.

– Да людишек они жрать повадились, – неохотно протянула Айгыр.

Из-под тряпок Демаан послышалось раздраженное фырканье.

– Вот уж беда так беда! Людишки, они вечно снуют туда-сюда: старых пожрут – новые народятся! Мы говорим сейчас о действительно опасных вещах! – вскричала она. – Или вы до сих пор не слышали, что в этих самых ваших южных горах... – Она сделала длинную паузу и полным злости и одновременно откровенного страха шепотом закончила: – Объявился черный кузнец.

– Э-э... М-м-м... А-а... – теперь Королева смотрела на Демаан, как та самая племянница, твердо знающая, что тетушка да-авно в глубоком маразме, но сказать о том не решающаяся из страха потерять богатое наследство. Наконец она пробормотала: – В сообщении жрицы Магнитной горы упоминалось что-то такое... Но я решила, что она не иначе как тамошнего рудничного газа наглоталась.

– Ты – безголовая! Чуда тупая! – яростно выплевывая ругательства, Айбанса подалась вперед. – Мэнквы ее волнуют! Черные – вот настоящая опасность!

– Но Черные – это всего лишь предания тысячедневной давности! Шаманские сказки! – Кэтэри кинулась на помощь Королеве. – Их давно никто даже не помнит!

– Никто – это кто? – все так же не отрываясь от изучения своих ногтей, тихо спросила Айгыр. – Некоторые очень даже помнят.

– И в отличие от вас, молодых да безмозглых, понимают, чем возвращение Черных может обернуться! Поэтому бросайте все свои глупости... – Айбанса обвела взглядом Королеву и застывших у нее по бокам обеих жриц. – И занимайтесь Черными! Только Черными!

– Погибель Югрской земли вы называете глупостями? – строптиво пробормотала Королева.

– Да плевать мне с девятого неба на Югрскую землю! – взорвалась Айбанса. – Речь идет о гибели Храма – вот что такое Черные!

– Или тебе твое тронное место разонравилось, девочка? – угрожающе прорычала Демаан.

– Немедленно, слышишь, немедленно отправь сообщение жрице из Магнитной! – сорвалась на визг Айбанса. – Пусть она схватит кузнецца...

– Ничего отправлять не надо! – быстро сказала Королева. – Столь беспокоящий вас кузнец – всего лишь тринадцатидневный мальчишка... – сквозь почтительность в тоне Королевы проскользнула насмешка, – погиб при попытке к бегству. Утонул.

Айгыр поморщилась:

– Черные – это такое... такие... Ну в общем, просто так они не тонут.

– Поздравляю всех, – тон Айбансы был убийственным, как входящий в сердце нож южной стали. – Теперь черный кузнец может оказаться где угодно!

В этот момент неподвижная и похожая на застывший посреди кабинета грязный сугроб четвертая из верховных жриц, Дьябылла, вдруг шевельнулась. Из-под ее тряпок вырвался длинный вибрирующий вопль, от которого заломило зубы. Наставница Кэтэри с криком схватилась за голову – из ее уха потекла тоненькая струйка крови. Не поднимаясь на ноги, Дьябылла взмыла в воздух. В вихре развевающихся одежд ринулась прямо на прозрачный лед окна.

Едва успевшей отпрянуть Аякчан показалось, что лед под ней взорвался от удара Огненным шаром, разлетаясь брызгами секущих осколков. Из возникшего пролома вырвалась завывающая Дьябылла. Полоща тряпками на фоне луны, четвертая верховная жрица устремилась к черному Ночному горизонту.

Судорожно вжавшаяся в карниз Огневой башни Аякчан потрясенно уставилась вслед Дьябылле – летящая сквозь мрак жрица походила на брошенный сильной рукой ворох тряпья. Пара ударов сердца потребовалась Аякчан, чтобы понять, куда та мчится – Дьябылла летела прямо к ледяному городу, чье далекое нежно-голубое мерцание порой заставляло учениц школы надолго застыть у прозрачных ледяных окон, мечтая... кто о чем! Кто о почестях и славе, о богатых приношениях для Храма, из которых разумной жрице всегда достается немалая толика. Другие о песнях олонхо, шумных празднествах, богатых и славных родах, с почтительностью и страхом добивающихся внимания жриц. И почти все о завистливых взглядах девушек и испуганно-восторженных – парней, устремленных вслед гордой храмовнице!

Словно громадный сапфир, город мерцал на горизонте, испуская в темные Ночные небеса трепещущее голубое сияние. Перед мысленным взором Аякчан предстали устремленные вверх громадные ледяные башни – намного выше и внушительнее школьных, – в гигантских чашах которых бушевало Голубое пламя, озаряя кипящую внизу бурную, опасную, манящую и такую загадочную и желанную городскую жизнь!

Голубое сияние города на горизонте вдруг мигнуло, пропав на мгновение, снова вспыхнуло – отчаянно и страшно, будто зовя на помощь, и... погасло! Горизонт поглотила тьма. Словно там, вдалеке, живой и дышащий город вдруг умер, весь, разом – погасли Огни на башнях, затихли звуки, и, не успев даже испугаться, люди медленно опускались на ледяные тротуары, погружая только что шумные улицы в жуткое безмолвие смерти.

Сквозь воцарившийся вокруг мрак донесся длинный горестный вопль летящей Дьябыллы. Будто откликнувшись на него, горизонт вновь вспыхнул. Сперва в темном небе зародилась одинокая сверкающая точка, пылающая алым, как глаз Демаан. А потом небо озарилось багрово-рыжим Огнем! С жутким завыванием поток нереального, только в древних легендах помянутого Рыжего пламени расчертил Ночной горизонт над далеким городом!

Свиток 5

В котором Аякчан ввязывается в настоящий воздушный бой

– Видели? Все видели? – из разбитого окна послышался страшный крик Айбансы. – Это он! Он! Черный!

Прямо под прячущейся Аякчан послышались треск и грохот – и в разбитое окно вынеслась яростная Айбанса. За ней, не отставая, мчались Айгыр и Демаан. Красный глаз Демаан вертелся в глазнице, прорезая окрестную темноту длинным лучом света. Луч заметался, и вытянутое световое пятно выхватило из мрака похожую на белый кокон фигуру Дьябыллы. Троица верховных дружно издала торжествующий крик и ринулась вдогонку сестре.

– За нами! Скорее! – казалось, на весь Сивир прокричала мчащаяся сквозь небо Айбанса, и был в ее крике приказ такой страшной силы, что затаившейся под козырьком Огневой башни Аякчан пришлось ногтями вцепиться в лед, чтоб не полететь следом и не выдать себя.

Из разбитого окна вылетела Кэтэри... И зависла в воздухе, болтаясь, как тряпочка, – протянутая из окна рука поймала ее за щиколотку.

– Спокойно, спокойно... – раздался действительно спокойный голос Солкокчон. – Сперва решим, действительно ли нам нужно туда лететь – учитывая наши планы на будущее...

– Нужно! – отчеканил уже знакомый голос Королевы. – Особенно учитывая наши планы! Я, конечно, не верю ни в каких Черных, но... следует знать, что на Сивире делается. Так что не за ними – а за мной! – И тонкая женская фигура пронзила озаренное жуткими багровыми сполохами небо. Длинные голубые волосы и шитый золотом плащ развевались за ее плечами. Следом за Королевой устремилась Кэтэри...

– Ну за тобой так за тобой, – последней из окна выскользнула Солкокчон. Совсем не торопясь, полетела сквозь сверкающее вспышками небо.

«А ведь мне тоже неплохо бы знать – что на Сивире делается! – подумала Аякчан. – Особенно учитывая мои планы на будущее!»

Внизу, во дворе школы, суетились. Слышались испуганные крики, но никто не рискнул последовать за улетевшими жрицами. Тем лучше. Уже выныривая из-под карниза и устремляясь сквозь тьму, Аякчан на мгновение сосредоточилась. Внутри тела поднялась ласковая волна, жар прихлынул ко лбу и вискам, очищая сознание и сообщая мыслям кристальную ясность. Воздух вокруг головы раскалился, выжигая маскировочную черную краску и возвращая волосам голубизну. Теперь если одна из летящих впереди наставниц оглянется, изда- лека примет ее за сестру-жрицу, спешащую на подмогу.

Но они не оглядывались. На горизонте творилось невообразимое. Узкая хищная рыже-огненная полоса впиалась в землю, как всаженный в грудь клинок. Башни погасшего ледяного города на мгновение блеснули, насквозь просвеченные грозным багрово-алым сиянием. И тут же опять погасли. Звезды качнулись, словно каменные гири на весах у городского лавочника. Навстречу жрицам ударил порыв трескуче-горячего ветра. Лохмотья летящей впереди Дьябыллы мгновенно вспыхнули желтыми язычками пламени. Жрица закувыркалась в воздухе, как горящий мешок. Пышущий жаром ветер швырнул ее прямо в нагоняющую Айбансу. Сцепившись, обе полетели вниз сгустком завывающего Рыжего пламени. Демаан и Айгыр лихо нырнули, и промчавшийся над ними поток горячего ветра ударил прямо в Снежную Королеву и школьных наставниц, разметав их по темному небу.

На полной скорости Аякчан резко вильнула в сторону, в надежде увернуться от горячего вихря. Бок и ноги будто щеткой из моржового уса ободрали, волосы на голове затрепали, к лицу словно вымоченную в кипятке подушку прижали. Аякчан почувствовала, что задыхается. Горячий поток просвистел мимо, в легкие хлынул прохладный ночной воздух. Зато сзади загрохотало. Девочка кувыркнулась в воздухе...

Учительская башня школы, под карнизом которой она только что пряталась, шаталась. А на площадке, где недавно безраздельно царил Голубой огонь, полыхал гигантский, яростный костер – двухцветный. Языки Голубого и Рыжего пламени сцепились между собой, будто стараясь задавить, задушить друг друга. От вздымающегося чуть не до самых нижних небес Огня исходили вой и рычание, как от сражающихся воинов. Синие, желтые, алые искры сыпались на двор школы – Аякчан казалось, что она слышит доносящиеся оттуда испуганные вопли. Треск полыхающих на башне Огней слился в низкий угрожающий гул – на Огневой площадке вздулся гигантский пламенный шар, сверкающий синевой и рдеющий разводами багрянца. Шар с грохотом лопнул, разлетаясь во все стороны брызгами многоцветного Пламени. Ледяная башня поплыла, как выгоревшая до фитиля свеча, и медленно осела. Кабинет старшей наставницы хлынул вниз кипящим водопадом. Крыша взвилась белым столбом горячего пара.

Аякчан передернуло – останься она на месте...

Опять загрохотало – на сей раз впереди. На горизонте над погасшим городом снова засверкали вспышки – десятки шаров Голубого огня взмывали от земли к небу. Причем явно метя в одну точку!

Несколько мгновений понадобилось Аякчан, чтобы сообразить – это вступили в бой жрицы погасшего города, атакуя невидимого отсюда врага. Но кого? Яркого-голубые Огненные трассы полосовали Ночь, шары Пламени лопались, врезаясь один в другой... только что темное небо, все, от края до края, засверкало ослепительной голубизной, будто вернулся День.

– Он разнес мою школу! Я убью его! – раздался истошный визг, и растерянная девочка увидела, как откуда-то снизу взмывает встрепанная, в прожженной и изодранной рубахе Солкокчон. Рыча, как лишившаяся берлоги медведица, старшая наставница вскинула руку с пляшущим на скрюченных пальцах Огнем и понеслась навстречу охватившей горизонт пылающей завесе.

В этот момент Пламя распалось надвое, будто располованное изнутри ножом. В сплошной сияющей голубизне мелькнул провал темного неба, и оттуда вылетело что-то... что-то... Болтающаяся в воздухе Аякчан не могла даже сообразить, что это такое – но оно было большое и яростное! Оно махало крыльями! Оно несло через все небо – с топотом! Оно ржало! И орало звонким мальчишеским голосом:

– Вот так вас, ведьмы, вот так!

Вопящая Солкокчон ринулась наперерез... Навстречу ей блеснула сталь! Потрясенная Аякчан увидела, как прямо в лицо старшей наставнице устремился меч! И с этого меча сорвалась... встречная волна Голубого пламени! Солкокчон ударило в грудь. Охваченная собственным Пламенем, она со страшным воплем врезалась... в школьную площадку для игры в мяч! Пласты вывороченного взрывом утоптанного снежного наста взлетели в воздух. Громадные крылья заслонили небо прямо перед Аякчан. Страх заставил ее вильнуть в воздухе, отлетая в сторону...

Они пронесли мимо. Сперва девочка увидела коня – он был огромен, намного больше любого из виденных ею ранее. Под серой шкурой, гладкой и блестящей, как шелк из Голубого огня, переливались могучие мышцы, развевалась в галопе роскошная черная грива, и мерно работали могучие крылья с широкими и тоже черными маховыми перьями. От красоты несущегося сквозь мрак и Огонь коня у девочки перехватило дыхание. Серый жере-

бец казался нереальным, как оживший сон. Мысль, насколько реальным вообще может быть конь, который скачет по небу и машет крыльями, даже не пришла Аякчан в голову – она увидела всадника!

К луке истертого дальними странствиями седла хищно припал мальчишка не старше самой Аякчан. Глаза его были прицельно сужены, худое скуластое лицо напряжено, на губах играла торжествующая злая усмешка. Встречный ветер трепетал распахнутую куртку в металлических заклепках. В руке парень умело сжимал длинный и наверняка тяжелый меч – вдоль клинка посверкивали голубые сполохи.

Аякчан заметалась в воздухе. Она мечтала, чтоб ее не заметили – если этот парень саму Солкокчон в воздухе подбил, ей тоже не поздоровится... Но еще больше ей почему-то хотелось, чтоб мальчишка оглянулся и увидел ее такой – на фоне темного неба, в вихре разметающихся по ветру голубых волос...

Мальчишка не оглянулся. Все наращивая и наращивая скорость, конь и всадник уносились прочь. Аякчан вдруг почувствовала настоящую ярость. Пролетели мимо, как... как мимо табуретки какой! Можно подумать, им на каждом взмахе крыльев в воздухе красивые девчонки попадают! И не слишком задумываясь, часто ли мальчишкам на крылатых конях в воздухе попадают табуретки, Аякчан вытянулась стрелой и ринулась следом. Мир стремительно рванул навстречу, и летящий впереди серый жеребец стал приближаться. Она уже видела обтянутую черной кожей куртки спину мальчишки. Ну она ему... им сейчас покажет! Она ему... им устроит! В руке Аякчан ощутила знакомое покалывание – на скрюченных пальцах начал закручиваться Голубой огонь.

Огненный шар просвистел у нее над головой и лопнул, не дотянув до скачущего по воздуху коня. На лету Аякчан перевернулась в воздухе. С пронзительным свистом рассекая воздух, позади неслись две тонущие в огненно-сапфировом мареве женские фигуры – не иначе как уцелевшие Кэтэри и сама Королева. Далеко за ними, но с каждым ударом сердца неумолимо приближаясь, мчались сверкающие голубые точки – от города подтягивались тамошние жрицы.

– Когти Огненноглазой! – ругнулась Аякчан, стремительно ныряя вниз, прямо в густые верхушки таежных деревьев. Что на нее нашло? Еще немного – и наставница Кэтэри увидит ее и, несомненно, узнает. Аякчан напролом полетела сквозь сплетение ветвей... Над головой забили громадные крылья. Аякчан запрокинула голову – и поспешила забиться поглубже в тень. Прямо над ней в воздухе парил крылатый конь. Его всадник лихо выпрыгнул из седла, слетел в ветви елей, скользнул по стволу вниз и окончательно скрылся из виду.

Воздух вокруг загрохотал, и сразу два Огненных шара ударили в парящего над тайгой коня. Серый жеребец нырнул, пропуская один сгусток Пламени под собой, взмахом крыла сбил второй, заржал и поскакал по Ночному небу, издевательски задрав густой черный хвост.

Два длинных пылающих росчерка расплосовали темноту – Кэтэри и Королева на полной скорости унеслись следом. Грохот и треск раскаленного воздуха постепенно затихли вдали. Аякчан перевела дух, вслушиваясь в наступившую тишину. Не верила она, что погоня догонит крылатого жеребца. А если даже и догонит... Девочка пожала плечами. Нынче только она знает, куда скрылся черный кузнец. В том, что мальчишка с мечом и был тем самым Черным, она не сомневалась. Девочка поглядела на небо, запоминая расположение созвездий – место исчезновения парня оказалось точно под Семью черными кузнецами. Как сказала бы наставница Кэтэри – весьма символично. Сказала бы, если бы не гонялась по небу за лошадами. П-пастушка!

Свиток 6

Где от интриг хоть под землю провалились

Стараясь никому не попасться на глаза, Аякчан летела между верхушками таежных елей – как пчела в скудной траве короткого лета. Теперь бы как-то незаметно проскользнуть в школу... И добраться до своей секретной комнатки, где остался пузырек с черной краской: ультрамариновая грива неизбежно выдаст ее в ледяных школьных стенах. Тайга под ней начала редеть, сменилась низким молодым подлеском, запорошенным снегом. Дальше тянулась опоясывающая школу обширная вырубка. За ней начинались владения школьной богатырки – дорожка для бега на лыжах и игровая площадка, в центре которой сейчас красовалась внушительная оплавленная воронка. Тела Солкокчон на дне ее не было. «Трижды шелковая» могла и уцелеть – окутавшее жрицу собственное Пламя должно было смягчить удар. Тогда старшая наставница наверняка в школе. Не иначе как руины тряпкой подтирает. Аякчан ухмыльнулась.

Еще недавно величественный куб школы сейчас представлял собой печальное зрелище. Три уцелевшие башни от подножия до вершины покрывал внушительный слой липкой черной сажи. Огонь на башнях погас – Ночную тьму рассеивали лишь светильники на стенах, да и тех уцелела едва ли половина. Сами стены, обычно гладкие и сверкающие, подталяли в бушевавшем вокруг двухцветном Пламени, пошли «слезой» от жара, а потом так и схватились на морозе – все в рытвинах и наростах застывшего льда. Аякчан сморщилась, будто от горсти черемши, – она уже догадывалась, кому придется вновь зачищать школьные стены до первозданной гладкости. Стоящие у центрального входа ледяные фигуры создательницы Голубого огня в ее северном воплощении Най и в ее южном воплощении Ут оплыли, как сгоревшие временные свечи. У высеченной над притолокой ледяной драконицы о трех головах и шести когтистых лапах (на самом деле любимый облик Уот Огненноглазой, но это тсс, только для жриц!) истаяли две головы и изрядный кусок чешуйчатого хвоста.

Но настоящие хлопоты предстояли с четвертой башней – та растаяла вся, целиком. Лишь поддерживающий ледяные стены металлический каркас тускло поблескивал под лунной, да у самого подножия, как редкие старушечьи зубы, торчали обломки уцелевших стен. Все остальное растеклось озером. Похоже, вода еще оставалась горячей – шлепающие по ней ученицы с ведрами порой застывали на одной ноге, судорожно тряся другой. Среди них суетилась покрикивающая Синяптук.

Аякчан внимательно присмотрелась – похоже, там толклись все обитатели школы. Самое время и ей присоединиться, пока не заметили, что среди этих цапель с ведрами не хватает одной ученицы третьего Дня. Она еще раз настороженно оглядела пустое пространство перед школой и, вытянувшись, легла на воздух, как пловец на воду. Ну-ка, быстренько! Нарастивая скорость, Аякчан полетела у самой земли. Ей надо только преодолеть открытое пространство: а там – секретный лаз в школьную купальню! Аякчан обнаружила его, подглядывая за старшими ученицами. Старшешедневки отправлялись вроде бы помыться перед отбоем, в прохладной воде понежиться... а на самом деле шасть в дырку под полом! За стеной их уже поджидали городские парни с оленями в поводу. Потом так же обратно – пригоршню ледяной воды в лицо и бегом на занятия. А кто-нибудь из наставниц качает головой: «Учиться надо в классе, девочки, а не после отбоя навёрстывать! Теперь вот зеваете и глазницы от недосыпа красные!»

Осталось только площадку пролететь – и она на месте! Прямо у нее под животом мелькнул обугленный край воронки...

– Эй, ты! Ты, ты, над площадкой! Кто такая? Из города прилетела? – слышался откуда-то сбоку властный голос старшей наставницы Солкокчон.

Проклятье! Откуда «Трижды шелковая» здесь взялась – разве она не должна быть в башне? Дикая, туманящая мысли паника ударила Аякчан в голову. Пока что старшая наставница принимает ее за жрицу, но стоит ей увидеть лицо девочки... Аякчан стремительно нырнула в выбитую посреди площадки воронку.

– Эй, ты куда? – завопила ей вслед «Трижды шелковая».

Но Аякчан уже сама понимала, что с перепугу сделала глупость – не вниз надо было уходить, а вверх. И улетать! Сматываться! Покрытое коркой из спекшейся земли дно воронки несло ей навстречу. Аякчан попыталась погасить скорость... Поздно! С разгону она врезалась в оплавленную землю... дно воронки под ней распахнулось, будто принимая ее в свои объятия... и девочка рухнула на плотно утрамбованный пол!

– Уй-ей! – Аякчан отчаянно взвыла от боли, в глазах у нее потемнело.

– Эй, ты! Немедленно вернись и доложи! – донесся сверху разъяренный вопль Солкокчон.

Напуганная девочка вскочила, запрокинула голову – над ней красовалось пробитое в земле отверстие, сквозь которое видны были уходящие вверх края воронки. Сейчас «Трижды шелковая» спустится – и увидит попавшую в ловушку Аякчан!

Девочка услышала странный, какой-то деревянный скрип. Мелкие комья земли сыпались частым потоком – Аякчан отпрыгнула, судорожно отплевываясь... и замерла. На краях воронки извивалось нечто. Будто сухие скрюченные лапки тянулись навстречу друг другу, крепко переплетаясь узловатыми пальцами. Да это же корни! Застывшие в мерзлой земле корни давно вырубленных деревьев! Мгновение – и пробитая ею дыра затянулась сеткой сцепившихся корней.

Сквозь щели этой сетки Аякчан увидела, как на краю воронки возникла фигура Солкокчон. Старшая наставница недоуменно озиралась, пристально вглядываясь в глубь воронки. Аякчан точно знала, что та видит: яму, пустую до самого дна, и обнажившееся при взрыве Голубого огня переплетение давным-давно мертвых корней.

– Куда она делась? – потерянно пробормотала Солкокчон – для прячущейся на дне воронки девочки ее слова звучали гулко, как в бочке. – О-ох, бедная моя голова! – Солкокчон вдруг взялась ладонями за виски. – Ничего себе я стукнулась, если мне теперь посторонние жрицы мерещатся!

– Ничего с твоей головой не случилось! Это ж на самом деле какую башку надо иметь, чтоб такую дырку в земле проделать! – сказал из поднебесья насмешливый голос Айбансы.

– Всегда была меднолобой, – издевательски прохрипела Демаан.

Отлично видная в просветах между корнями, в небе над воронкой парила троица верховных жриц – на руках у Айбансы и Демаан почерневшей грудой обвисла Дьябылла. Аякчан даже казалось, что она чувствует исходящую от той вонь паленого грязного тряпья.

– Но даже сквозь такой твердый лоб, как твой, должна, наконец, пробиться мысль, что Черные – существуют! – свободной рукой Айбанса очертила широкий круг, включивший в себя и город у горизонта, над которым робко начали загораться первые голубые огоньки, и подтаявшую школу. – Вы знаете, что делать! – отрывисто бросила она, глядя на Солкокчон сверху вниз. – Найдите и уничтожьте этого мальчишку! И любого, кто окажется вместе с ним, – тоже! – И, крепче перехватив свою основательно подкопченную Рыжим огнем сестру, верховные жрицы полетели к горизонту.

По-прежнему держась за голову, Солкокчон недобро поглядела им вслед.

– Вот интересно, как я это должна выполнить – в моем-то состоянии! – злобно пробормотала она.

– Можно подумать, ты в нормальном состоянии все приказы верховных до единого выполняешь, – раздался новый голос.

Аякчан видно было, как «Трижды шелковая» круто обернулась, едва не свалившись на дно воронки, и уставилась на невесту откуда возникшую у нее за спиной Айгыр.

– Верховная Айгыр! – растерянно пробормотала старшая наставница. – А вы... вы не улетели с остальными?

– А ты разве видела, как я улетала? – передернула плечами Айгыр. – Впрочем, даже если б видела, все равно может оказаться, что я где-нибудь поблизости – и все слышу! – угрожающе добавила она.

Она вдруг мгновенным броском, как атакующая змея, метнулась к Солкокчон и... двумя пальцами ухватила старшую наставницу за ухо. Как нашкодившего щенка.

– Не вздумай этого делать! – придвигаясь совсем близко к лицу Солкокчон, прошипела верховная.

– Чего? – втягивая голову в плечи, ломким от боли голосом пробормотала «Трижды шелковая».

– Так много пакостей в голове, что не можешь догадаться, на какой тебя поймали? – Айгыр растянула губы в презрительной усмешке. – Не бойся – мне не нужны ваши маленькие детские заговоры. Я хочу от тебя только одного: черный кузнец и все, кто окажется рядом с ним, должны жить!

– Но... Приказ остальных верховных... – пританцовывая от боли в захваченном ухе, но не смея высвободиться, выдавила Солкокчон.

– Ты помнишь, кто сделал тебя старшей наставницей в школе, Солкокчон, – и тебе теперь не нужно Денно и Нощно работать с Огнем, ожидая, когда тебя разнесет в клочья?

– Вы, верховная Айгыр...

– А кто посадил твою подружку на Ледяной трон?

– Тоже вы...

– Вот и держись меня, маленькая Солка, – отпуская ее ухо, покровительственно сказала Айгыр. – Не прогадаешь.

– Зачем он вам нужен, этот Черный? – как наказанная ученица-перводневка, потирая красное ухо, обиженно пробубнила старшая наставница.

– А вот это – не твоего ума дела, – со зловещей ласковостью, куда более страшной, чем ласковость самой «Трижды шелковой», процедила Айгыр. – Тебе нужно помнить одно: кто приведет ко мне черного... черного кузнеца, – она на мгновение сбилась, будто сперва хотела сказать другое, – и его спутников... Получит все, что угодно! Любые сокровища. Любую защиту. Любую должность... – Айгыр склонила голову к плечу, будто проверяя действие своих слов на собеседницу. – Хоть твоей бывшей одноклассницы Метаткар... И даже место самой... Ну, ты меня поняла! – многозначительно закончила верховная и вдруг, повернув голову, уставилась в глубь воронки – прямо в окошко между корнями, сквозь которое подглядывала Аякчан.

Девочка пискнула – у нее появилось четкое ощущение, что Айгыр ее распрекрасно видит! Некоторое время верховная жрица всматривалась в сплетение корней – казалось, прямо в глаза испуганно съежившейся девочки – и, не прибавив больше ни слова, взмыла с места и сверкающей голубой звездой скрылась за горизонтом.

Солкокчон на краю воронки судорожно перевела дух...

– Это и есть твой секретный ход, Солка? – раздался над воронкой новый голос.

Аякчан в своем убежище нервно захихикала: ей бы еще с тетушкой Тайрымы познакомиться, и она будет знать всех высших сановников Храма в лицо и по голосам! Во всяком случае, сейчас она опознала голос Королевы раньше, чем две восторженные голубоволосые женщины в прокопченных белых рубашках вынырнули из темноты.

– Надумала переметнуться к этой старой ведьме? Ты, значит, будешь как оленина в рыбьем жире кататься, пока остальных на Костер поволокут? – обдирая с плеч остатки горелого плаща, процедила Королева и грозно нависла над Солкокчон. – Не выйдет, подружка! Ты с нашим делом так плотно спаялась, что другого хода тебе нет – ни обратного, ни секретного! Или победишь с нами, или... погоришь тоже с нами, если наш план не выгорит!

– Да ни к кому я не переметнулась! – Солкокчон сердито покосилась на Кэтэри, догадываясь, откуда Королеве стали известны неосторожные слова про «секретный ход». Та ответила совершенно невинным взглядом. – Айгыр сама ко мне подошла! Похоже, между нашими старушками своя свара – вокруг Черных!

– Свара между старушками – это для нас хорошо, – задумчиво сказала Королева. – Хотя не очень-то я верю, что они на самом деле так дергаются из-за сказочного персонажа тысячедневной давности!

– За одним сказочным персонажем мы по всему небу гонялись – и он от нас удрал! – сухо сказала Кэтэри и в ответ на вопросительные взгляды остальных насмешливо фыркнула. – Литературу учить надо было! Серый конь с крыльями – это же Акбузат, конь великого Урал-батыра, что сложил окаймляющие наш мир горы Сумэру из тел великанов и змеев!

– Думаешь, это заговор южных горцев? – оживилась Королева.

– Я думаю, что если существует конь Акбузат, то и черный кузнец тоже вполне может оказаться реальностью, – отрезала Кэтэри, в отсутствие верховных растеряв всякую свою почтительность.

– А каких это спутников кузнеца наши верховные бабульки все время поминают? – поинтересовалась Солкокчон.

– Ты хоть что-то из школьного курса помнишь? – всплеснула руками Кэтэри. – Черный-то кузнец не один! С ним был еще – кто?

Солкокчон на мгновение призадумалась и выпалила:

– Великий Черный Шаман, Хозяин духов Донгар Кайгал?

– Вот молодец, старшая наставница! – издевательски похвалила Кэтэри. – А еще вместе с ними в Средней земле появляется... – она вдруг испуганно осеклась. – Спаси Огненноглазая! Вы помните, кто еще является в Среднюю землю вместе с черным кузнецом и черным шаманом?

И наставница шаманской литературы что-то прошептала своим сблизившим головы сообщницам – но что именно, Аякчан не расслышала. Зато ответ Королевы слышен был, наверное, на весь Сивир!

– Как будто нам четырех древних бабок мало! – рявкнула Ее Снежность. – Правда это или нет, но сейчас же северным ветром... – нет, вихрем! Разослать по всему Сивиру описание южного мальчишки – с приказом немедленно его схватить! При сопротивлении – убить на месте! – Королева вдруг замолчала. Подумала. На губах ее заиграла злая усмешка. – Нет. Не убивать. Есть у меня одна мыслишка... Эти Черные нам еще как могут пригодиться! Я пришла вам весточку. – Она коротко кивнула остальным двум жрицам и взвилась в воздух.

Солкокчон и Кэтэри некоторое время смотрели ей вслед, переглянувшись – и исчезли с края воронки.

Враз обессилев, будто из-под нее выдернули подпорку, Аякчан опустилась на утрамбованный пол убежища. Ничего себе – похоже, ей удалось узнать больше, чем она собиралась! Намного больше!

Впервые Аякчан смогла толком оглядеться, куда же она провалилась, – и поняла, что первый взгляд ее не обманул! Это был не просто провал в земле – похоже, она не единственная в их школе, кто обзавелся тайной комнатой! В толще мерзлой земли была вырублена целая зала. Вдоль стен тянулись грубо вырезанные из дерева стойки, в которых красовалось самое разнообразное оружие – тяжелое охотничье, на медведя, копье, легкое копьецо храмо-

вого стражника, высокий и малый луки в промасленных чехлах из тюленьей кожи, несколько наборов метательных ножей и пара мечей. Аякчан когда-то видела похожие: торговцы говорили, что они настоящие южные, но те были наверняка фальшивыми, а эти – нет. Усеянный гранеными железными шипами и подвешенный на цепь, чтоб можно было подтянуть обратно после броска, каменный мяч тоже не походил на спортивный снаряд! От оружия исходила неуловимая, не передаваемая словами общность, сразу говорящая, что весь арсенал принадлежит одному человеку.

Рядом с оружием стоял обычный берестяной сундук – открытый. Аякчан приподняла крышку – внутри лежали разные одежды: жреческая рубаша из белого Огненного шелка, потрепанная хант-манская малица, богато расшитая чукотская парка, платье родовой сахи... Все женские. И все одного размера. Поверх валялась целая россыпь пузырьков с краской для волос: ультрамарин, черная, розовая...

Аякчан некоторое время тупо глазела на них – ей казалось, многоцветье флакончиков должно что-то подсказать... Может, волосы выкрасить прямо здесь, а не рисковать, пробираясь в свою секретную комнатку? Точно! Она схватила флакончик с черной краской и лежащую рядом кисточку.

Девочка вернула полупустой пузырек на место и потерла пальцами вновь почерневшие пряди – а эта краска явно лучше, чем ее собственная, так быстро не сотрется! Аякчан потянула узкую дверцу в дальнем конце зала – за ней открылся низенький проход. Аякчан была уверена, что он ведет в школу – ну а куда ж еще? Пригибаясь, чтоб не стукнуться головой о нависающий потолок, она на полусогнутых двинулась по проходу. Впереди дохнуло паром, и послышалось журчание воды. Упираясь обеими руками, Аякчан подняла закрывающую выход плиту...

Сперва ей показалось, что она таки попала, куда собиралась – в школьную купальню! Но тут увидела выложенные южным гранитом бассейны, покрывала из тонкой шерсти... Она была в купальне, но только учительской!

Девочка торопливо выбралась и опустила за собой плиту. Ей этот лаз еще пригодится.

– Ты что здесь делаешь?

Аякчан испуганно обернулась.

В дверях купальни, уперев руки в бока, стояла злющая, как отморозившийся мамонт-Вэс, Синяптук.

– Так это... Ученическая купальня развалилась вся, – ляпнула Аякчан, молясь, чтоб она не ошиблась и правильно оценила школьные разрушения.

– Без тебя знаю! – завизжала Синяптук. – Что тебе вообще в купальне понадобилось?

– Да вот... Водички хотела набрать... – подхватывая заткнутое под рукомойку кожаное ведро, пробормотала Аякчан.

– Воды-ы? Ты думаешь, под растаявшей башней мало воды? А ну марш отсюда! – во всю глотку заорала Синяптук. – Ишь, чего выдумала, тварь ленивая! Пока остальные работают, она в учительской купальне прячется? Бе-егом вниз, пока я об тебя все школьные плетки не обломала!

– Слушаюсь, госпожа наставница! – вроде бы испуганно завопила Аякчан и, подхватив ведро, со всех ног ринулась через школу на двор.

Повезло, ох как ей повезло! Она узнала так много – и никто даже не догадался, что ее не было в школе! Теперь ей предстоит о многом подумать. Например, почему три верховные жрицы хотят убить Черного, а Айгыр его защищает, кто прячет целый арсенал под школьной игровой площадкой, какие такие собственные планы у Снежной Королевы и мальвин... Перед глазами Аякчан отчетливо предстал образ смуглого гибкого мальчишки верхом на крылатом коне. И конечно, она должна подумать о самом черном кузнеце! Интересно, какие девочки ему нравятся?

Свиток 7

Об истинных причинах Кайгаловых войн

Она брела через лес, тяжело опираясь на скользкое от крови копьё. Располованный бок уже даже не болел – онемел полностью, но срывающиеся капли черной крови шаг за шагом отмечали ее путь по снегу. Беспорядочные искры Голубого огня бегали по рукам, с сухим треском вспыхивали на ладонях, и она никак не могла ни остановить их, ни втянуть в себя... Колени подогнулись, и она рухнула в снег, понимая, что все, конец, дальше идти она не сможет. Бессильные злые слезы покатались по щекам, заставляя весь мир расплываться, мерцая нереальным голубым светом... Она моргнула, стряхивая слезинки с ресниц.

Сквозь сплетение ветвей ровно светился Голубой огонек.

Она поползла, волоча копьё за собой. Ветви поддались, и она вывалилась на крохотную полянку, посреди которой горел Синий храмовый костерок и сидела женщина в короткой белой рубашке. Она узнала эту женщину и застонала снова – на этот раз от облегчения. Женщина обернулась...

– Ты? – неизменно прекрасное, словно вырезанное из льда, лицо Айгыр выражало безмерное облегчение. – Где ты была? Куда он тебя уволок? – всхлипывая, Айгыр вытащила из ее сведенных судорогой пальцев копьё. – Тебя все войско ищет, сестры с воздуха прочесывают... – подруга вдруг осеклась и уставилась на копьё. – Это... его? Его кровь?

– Его... – прошептала она в ответ, почти не узнавая своего голоса, таким хриплым он стал, – Великого Черного Шамана Донгара Кайгала... моего мужа... больше нет в этом мире! Его нет! – запрокидывая голову к небесам, вдруг закричала она. – Никто больше не использует меня! Никто не принудит делать, чего не хочу! Никто не остановит меня!

– Не остановит... – глядя на нее восторженными и в то же время испуганными глазами, согласилась Айгыр. – С твоей-то силищей Голубого огня!

Подруга испытующе вглядывалась ей в лицо – будто рассчитывая увидеть там ответ на некий мучающий ее вопрос.

– Прошу простить меня, Мать-основательница Храма! – вдруг очень сухо и строго сказала Айгыр. – Я не могу поступить иначе!

Она удивленно вскинула на Айгыр глаза – и успела лишь увидеть, как та перекидывает копьё в боевой хват... Тускло взблеснул покрытый запекшейся кровью наконечник... А потом в груди вспыхнул страшный мучительный холод, совсем не похожий на приятный холодок пушистого снега. И тут же по всему телу заструился убийственный, терзающий жар.

Ее тело выгнулось изломанной дугой... Последнее, что она увидела в этом мире, были слезы на глазах старой подруги Айгыр – и ее побелевшие пальцы, стиснутые на древке копьё.

...С коротким воплем Аякчан села на своем тюфяке в темной школьной спальне.

– Ну что ты орешь? – сонно заворочалась на соседней койке Юлтэк.

– Сон страшный приснился, – пробормотала Аякчан, но поняла, что ее уже не слушают – Юлтэк перевернулась на другой бок и увлеченно засопела.

Еще бы! Наверное, тела своего не чувствует от усталости. У самой Аякчан от сотен перетасканных ею ведер воды невыносимо ломило плечи, кожа на ладонях была содрана ручкой щетки, которой она скоблила стены, а тело казалось пустым и легким из-за отданного внутреннего Огня. А попробуй не отдай, когда злющая, как разъяренный куль, Солкокочон требует! «Трижды шелковая» словно мухоморов объелась – с момента разгрома школы все до единой ученицы очень мало ели, почти не спали и все творили и творили из Огня, восстанавливая растаявшую башню. И у Аякчан совсем не было времени подумать!

Только нынче наставница Кэтэри улетела в центральный Храм за обещанной помощью в восстановлении школы, а «Трижды шелковая» позволила ученицам наконец отдохнуть.

Она подперла рукой тяжелую от недосыпа голову. От этого черного кузнеца одни неприятности! Он совершенно не похож на мальчишек в отцовском стойбище. И даже на парней, которых она встречала в городе во время своей единственной поездки со школьным обозом. Совсем, совсем другой... Чужой. Опасный. Персонаж из легенды!

Интересно, о чем таком загадочном шептались Королева и мальвины тогда, над воронкой. Впервые Аякчан пожалела, что во время своих тайных посещений библиотеки больше интересовалась управлением Огнем и даже не заглядывала в вотчину Кэтэри, отдел шаманской литературы. А ведь были, были там свитки... Аякчан зажмурилась, вспоминая – полки, прогибающиеся под тяжестью свитков, с некоторых и впрямь свисают синие Храмовые печати, запрещающие непосвященным даже прикасаться к ним под страхом Вечного огня. Тогда она не обратила на это внимания, а сейчас призадумалась. Истории о древнем Сивире и Кайгаловых войнах, которые Кэтэри заставляла читать своих учениц, отличались от тех, что рассказывал в отцовском стойбище белый шаман. А может, есть и другие истории, только для высших чинов Храма, и именно в них-то и скрыта вся правда?

Аякчан с содроганием вспомнила свой сон. Привидится же такое! Мать-основательница Храма, Донгар Черный – ее муж (полный бред!) и верховная Айгыр! Это сколько ж той тогда Дней? Аякчан задумалась. А ведь четверка верховных – Айгыр, Айбанса, Дьябылла и Демаан – упоминаются в летописях пятидесятидневной давности. И восьмидесятидневной. И в еще более ранних – тоже. Меняются Советники, меняются Королевы, а эти четверо – остаются. Аякчан решительно откинула тонкое одеяло и спустила ноги с койки. В библиотеке сейчас наверняка пусто – тем более что Кэтэри в школе нет.

Стараясь не шлепать ногами по полу, Аякчан тихо выскользнула из спальни и на ощупь двинулась по темному коридору. Зажечь даже маленький Огонек она не решалась – запасов Пламени почти не осталось, и когда Солкокчон разрешит ученицам их пополнить, никто не знал, а обращаться к припрятанному ею Огню Аякчан не решалась. Главное – не выделяться, быть как все. Не в первый раз она по темноте в библиотеку пробирается, дорога знакомая.

Но в самой библиотеке тоже было темно – даже обычный дежурный светильник не горел. Старшая наставница наводила экономию. Тратя последние крохи собственного Пламени, Аякчан затеплила на ладони крохотный Огонечек и медленно воспарила к потолку. Вот они! На полке плотными рядами лежали свитки с синими запретительными печатями – «Только для верховных жриц». Лицо девочки разочарованно вытянулось – ее поход в библиотеку оказался напрасным. Такие печати вскрыть невозможно, они просто не поддадутся никому, в ком внутреннего Огня меньше, чем у верховных! А ведь здесь вся история Храма от Дня основания. Вот этому свитку никак не меньше тысячи Дней. Аякчан невольно коснулась свисающей на ветхом шнуре печати кончиком пальца.

Послышался глухой хлопок – печать исчезла! Как и не было!

Но... Как это? Она же не верховная! Наверное... Наверное, это потому, что свиток такой старый – да-да! Даже сила Огня начала истаивать... Впрочем, какая разница, надо этим пользоваться!

Аякчан торопливо сгребла раскрывшийся свиток, слетела вниз и уселась на полу, поджав ноги. Держа Огонек на одной руке, второй она начала медленно разворачивать бересту. В первый момент она испытала разочарование. Это не походило ни на летопись, ни на шаманские стихи, ни на песни олонхо. Больше всего это напоминало стопку хозяйственных записок – внутри свитка оказались беспорядочно свернуты небольшие обрывки бересты. Таким же, как в ее бесценных свитках по управлению Огнем, старинным простоватым слогом, делающим каждую запись похожей на древнее сказание, кто-то сообщал о бочках тюленьего масла и мешках с порсой, закупленных на День. И внизу – написанное другой

рукой коротенькое распоряжение «Отправить в кладовые». Другое сообщение докладывало о каких-то свитках для обучения грамоте – и снова внизу краткая пометка с приказом разослать их по селениям. Потом что-то о предоставлении Голубого огня оленьим пастухам для перегонки стад... Аякчан передернула плечами – обыкновенное Храмовое хозяйство! Большой Храм, может, даже центральный, но ей-то что до этих расчетов тысячедневной давности? Стоп! Она остановилась, только сейчас заметив – а ведь все распоряжения и приказы поверх Храмовых бумажек написаны одной рукой! И это... Да, точно! Тот же самый летящий почерк, что и в найденных ею древних свитках по управлению Огнем – свитках, которые научили ее большему, чем все наставницы! Она снова перевернула куски бересты – уже внимательнее. Мать-Уот! Да это же приказ об основании школы – их школы! И даже план здания! Башен с кабинетом старшей наставницы и комнатами мальвин, похоже, сперва не было, а вот спальня учениц оказалась на месте. И едальня, и постирочная, и... Палец Аякчан замерз на выпцветших линиях... Ее тайная комнатка под лестницей была. И точно, как сейчас, в ней не было двери – будто входящий каждый раз просто намораживал стенку у себя за спиной. Будто эта комната с самого начала задумывалась как тайная.

Хмыкнув – надо же! – Аякчан перевернула чертеж.

Все тем же летящим, неразборчивым почерком на задней его стороне было написано:

«На ветра духах Донгар залетал. Злился шибко: один Черный его жаловался мало-мало. Чукчи, говорит, подношения жалеют, шамана камлать – стада оленей охранять не зовут, волков Голубым огнем гоняют! Разберись, говорит. Нечего разбираться, однако – его Черные девкам моим мешают все время сильно! Стыдно жадными такими быть, делиться надо мало-мало!

И чего не хватает-то? Никогда еще Сивир не жил так богато да мирно! Шаманы Черные учат, да лечат, да тварей нижних гоняют, кузнецы столько штук всяких напридумывали работу людям облегчить, что шутят некоторые – мол, скоро вовсе специальных механических людей соорудят, чтоб те работали, пока настоящие люди на праздниках-ысыахах гуляют да араку пьют! Стойбищам между собой ссориться мои девки-жрицы не дают, даже с лесом-тайгой у людей мир – Брат Медведя всех лесных в строгости держит, медведи у него по ниточке строятся. Да только разве ж они сами всего этого добились? Разве ж возможно такое без силы Голубого огня, что нынче в каждом костре, да в каждом горне, да в каждом чувале? Разве жили бы так счастливо без руководящей да направляющей воли Храма?

И ведь не ценят вовсе! Охотники стойбищные ворчат, почему зверей мясных да пушных нельзя добывать больше, чем Брат Медведя дозволяет. Черные кузнецы злятся, отчего Храм их новые придумки запретить хочет, особенно оружие всякое опасное, убивательное. Ну чисто дети малые! Теперь еще Донгар со своими шаманами – злой прилетел, а улетел еще злее. Думал, я его тут олениной кормить, аракой поить, прощения просить стану! Зачем думал? Зачем извиняться – когда права я!

Плохо, однако – кузнец на меня сердится. Не приезжает. Позлить его еще мало-мало побольше – тогда явится? Тоска у меня на сердце без него!»

Дальше следовал новый обрывок листа – чернила на нем совсем расползлись от времени, но прочитать еще можно было:

«Донгар злится сильно-сильно! Шаман черный, что из-за камлания жаловался, пропал совсем. В Нижний мир за душой, что совсем уходила, погнался – душу не догнал и сам пропал. Донгар говорит – из-за нас все, мои жрицы шамана разозлили, он с духами и не совладал. Не знаю, что и ответить ему, на слова такие. Черный погиб – горе великое, однако...»

Аякчан остановилась, недоуменно приоткрыв рот. Древний язык, простецкий, какого нынче и в самых диких стойбищах не услышишь, она понимала с трудом. Наверное, она ошиблась, неверно разобрала... Жрица Голубого огня – ведь пишет наверняка жрица, да еще немалого ранга – считает горем смерть черного шамана? Злобного исчадия Нижнего мира,

от которых, как их всегда учили, на Сивир приходили только смерть и разрушения? Она снова уткнулась в текст, с трудом разбирая размытые строчки:

«...горе – кроме Черных, кто человека с последнего Пути мало-мало завернет? Никто, даже девки мои Храмовые, в Ночи селения от родичей с Низу не оборонит...»

Родичей? Аякчан пожала плечами.

«Однако гордые они больно – весь Сивир-средний за свой чум держат! Кузнец наш разговор слушал, а я глядела на него да думала – еще красивее он стал. Или чудится мне оттого, что не виделись мы давно? Донгар криком кричал, а я и не слышала ничего, все на кузнеца смотрела. Однако горцы кузнецовы тоже мной мало-мало недовольные – что я не велю про-давать мечи да копья кому попало, не нравится им так-то! А когда одни люди Сивир-земли на других с южными мечами идут да друг друга шибко-шибко режут, видать, нравится? Они говорят, жрицы в торговлю их лезут, деньгу получать не дают, говорят, не могут девки, хоть и голубоволосые, мастерам указывать. У меня в ладошках Огонь свербит, наружу рвется, показать мало-мало, чего мы можем. Держусь, однако – заради кузнеца. Гуляли мы с ним по Храмовому саду – разговоры вели, убедить я его пыталась. Ведь правая я, только я и права! Не остановлю кузнецов да шаманов – доиграются неразумные! Одно хорошо – Брат Медведя мою сторону держит. Племена его новое горское оружие тоже против шерсти».

И ниже приписка:

«И не знала я – а Донгар за мной да кузнецом из окна подглядывал. Бесится теперь, как гнусом болотным покусанный. Чего беситься, однако? Не хозяин он мне, и никто не хозяин!»

Следующую запись оказалось почти невозможно разобрать – писалось явно второпях, не все слова были даже дописаны до конца:

«Конечно, правая я оказалась, доигрались они, однако! Два черных шамана стадо делили – в поединке шаманском подрались, камланием черным друг дружку шугали, духов нижних между собой драться заставили. Подумали бы хоть бесстыдные-бессовестные, духам-то каково? Сидишь у себя в Нижнем мире спокойнешенько, араку из черепа врага пьешь, вдруг камланием тебя хватают да наверх, в Средний мир, волокут да в драку бросают? А дух бы и рад на самого шамана кинуться, так их, Черных, просто не возьмешь – вот и приходится подчиняться!»

Аякчан снова остановилась, аж хватая ртом воздух. Такой сочувственный подход к проблемам обитателей Нижнего, подземного мира был для нее... скажем так, внове!

«Ну, один шаман, как водится, победил, оленей к себе погнал, – продолжала писать неведомая жрица. – А тот, что проиграл, обозлился шибко-шибко, мэнквов из Нижнего мира вызвал да мясом кровавым раздражил. Те опосля железных лесов Нижнего мира от духа мясного одурели вовсе и на селение шамана-победителя кинулись. Выели подчистую – хоть оленей, хоть мужиков, хоть баб с детишками. Потом пуще разохотились, по округе пошли. Люди бегут. Из племени Брата Медведя многие погибли – теперь мести хотят. Своих девок-жриц на помощь шлю...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.